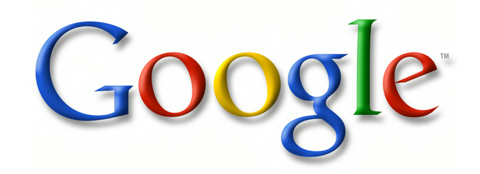
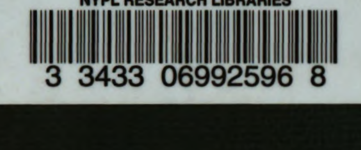

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06992596 8

КУРЛОВЪ

ЕВГЕНІЙ КУРЛОВЪ

ВОЙНА

1908 г.

ЕВГЕНІЙ КУРЛОВЪ.

ВОЙНА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ ВЪ ДЕВЯТИ КАРТИНАХЪ.

МОСКВА. 1908.

Типографія О-ва распр. полезн. книгъ. Преемникъ В. И. Вороновъ.
Моховая, противъ Манежа, домъ кн. Гагарина.

ВОЙНА.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

ИЗДАНІЕ СЫТИНА.

«За идею» и другіе разсказы.

Москва. 1908 г. Ц. 50 к.

УЧАСТВУЮЩІЕ:

Марсъ—богъ войны. Сначала въ видѣ убогаго старика, потомъ—полнаго силъ воина.

Александръ—старикъ.

Серафима—его жена.

Константинъ, Марія, Иванъ, 18 лѣтъ, Елена, 16 лѣтъ — ихъ дѣти.

Дмитрій—женихъ и потомъ мужъ Маріи.

Леонидъ — пріемный отецъ Константина.

Анна—его жена.

Алексѣй, Василій, Николай — воины.

Главный военачальникъ, его помощникъ, старшіе воины. Главный жрецъ, жрецы, представители народнаго собранія, городскіе старшины, граждане, плѣнные.

Поселяне, грабельщицы, косцы, дѣти.

Рѣка, дубъ, деревья, колосья, стогъ.

Геній мира.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Въ странѣ «родныхъ». Лугъ и ржаное поле передъ посадомъ; съ лѣвой стороны домъ Александра, около него фруктовый садъ и стогъ сѣна; дальше другіе дома посада. Рѣчка. Большой дубъ въ сторонѣ. Вдали виденъ лѣсъ. Вечеръ. Солнечный шаръ, мѣдно-краснаго цвѣта, опускается. Дѣдушка Марсъ идетъ, оборванный, съ котомкой на плечахъ, освѣщенный лучами солнца. Группа дѣтей.

Дѣти **въ одинъ голосъ.** Дѣдушка Марсъ идетъ! Дѣдушка Марсъ идетъ! **Подбѣгаютъ къ нему.** Дѣдушка, дѣдушка! Разскажи сказочку.

Марсъ. Сказку вамъ? **Садится.** Послѣ когда-нибудь, усталъ теперь. **Открываетъ котомку, вынимаетъ изъ нея флягу и пьетъ.**

Дѣти **садятся около, съ любопытствомъ смотрятъ на Марса.** Что это ты, дѣдушка, пьешь?

Марсъ. Что я пью? Не вашего это ума дѣло разбирать, что старый Марсъ пьетъ. **Прячетъ флягу.**

Одинъ изъ дѣтей. Ну, вотъ, дѣдушка, ка-

кой ты сегодня не добрый! Вѣдь вчера еще ты намъ съ Алексѣемъ показывалъ фляжку.

Марсъ. Одно дѣло вчера, а другое—сегодня. Вчера во флягѣ была вода, а сегодня въ ней...

Дѣти наперебой. Что? Что въ ней, дѣдушка? Что?

Марсъ. Не вашего это, говорю, ума дѣло. Ну, да все равно... Вы хоть и малы, а и вамъ, въ случаѣ чего, горячо придется. Скажу ужъ. Тутъ напитокъ боговъ: старый, крѣпкій напитокъ! Изъ многихъ травъ онъ приготовленъ и варится онъ отъ начала вѣка. Но за то и силы въ немъ много. Охъ, много! И поддерживаетъ онъ стараго Марса и не умретъ никогда Марсъ, пока травы, изъ которыхъ онъ приготовляется, не пропадутъ.

Дѣти. А какія-же это травы, дѣдушка?

Марсъ. А травы такія: человѣческая жадность—первая трава, а вторая трава—человѣческая зависть, а злоба человѣческая—третья трава, а еще трава—подлость человѣческая.—Это главныя травы. А отъ корешковъ ихъ, да отъ сѣмянъ пошли второстепенныя—ложь, обманъ, хитрость, подкупъ, жестокость, объяденіе, властолюбіе. И вытянулись эти травы въ разныя формы: одна въ мечъ, другая—въ копье, третья—въ шашку... Растутъ онѣ и теперь и чѣмъ дальше растутъ, тѣмъ разнообразнѣе дѣлаются ихъ стебли и плоды...

Дѣти. Что-то ты непонятное говоришь, дѣдушка!..

Марсъ. А непонятное, такъ слушайте внимательнѣе... И настой отъ этихъ травъ — кровь человѣческая... Яркій лучъ заходящаго солнца падаетъ на лицо и голову Марса. И кровь эта во флягѣ стараго Марса, кровь эту пьетъ старый Марсъ и живетъ, и дышетъ онъ этой кровью! Вашей кровью!..

Лицо его дѣлается кровожаднымъ, страшнымъ; глаза блестятъ.

Дѣти. Страшно какъ, дѣдушка...

Марсъ. Страшно? Такъ уходите... Пользуйтесь случаемъ, потому что не всегда можно уйти, когда страшно. И мнѣ пора встаетъ за дѣло! Я слышу звукъ барабана. Дѣти встаютъ. Марсъ забираетъ котомку на плечи и идетъ. Лучи солнца все время освѣщаютъ его. Въ концѣ сцены онъ останавливается и, обращаясь къ полямъ, говоритъ: Поля, мирныя поля съ большими налившимися колосьями! Люди, спокойно трудящіеся и обрабатывающіе землю, сытые и довольные, наслаждающіеся сномъ и покоемъ, любящіе и плодящіеся,—прощайте! Марсъ уходитъ отъ васъ. Но уходитъ онъ не надолго... Вернется онъ сюда, и уже не дряхлымъ бездѣятельнымъ старикомъ, не дѣдушкой Марсомъ,—молодымъ и сильнымъ, въ бранномъ вооруженіи, неся огонь и мечъ, вернется онъ... Вернется, чтобы залить васъ кровью. Чтобы смять все это богатство, указывая рукой на поле ржи, на деревья и посадъ, раздавить, убить, уни-

чтожить... Чтобы стономъ и воплями наполнить воздухъ, чтобы страшнымъ побоищемъ нарушить вашъ безобидный миръ! Довольно тишины и застоя! Довольно свѣта, счастія и радости! Моръ и голодъ, слезы и преступленія — войну принесетъ вамъ юноша Марсъ! **Уходитъ, освѣщенный послѣдними солнечными лучами. Солнечный шаръ исчезаетъ. Дѣлается сразу темнѣе. Издали слышны голоса косцовъ, возвращающихся съ поля и поющихъ пѣсню. Звуки мало-по-малу дѣлаются громче. Косцы появляются и, съ пѣсней, проходятъ по сценѣ. Группа ихъ идетъ дальше къ посаду и тамъ, около каждаго дома, отдѣляются отъ нея то одинъ, то два косца, которые и заходятъ къ себѣ въ дома. Косцы Александръ и Иванъ отдѣляются первые и входятъ въ домъ Александра.**

ПѢСНЯ КОСЦОВЪ:

Весь день, весь день,
Подъ пѣсни звукъ,
Косили мы
Зеленый лугъ.
Зеленый лугъ,
Душистый лугъ
Косили мы,
Подъ пѣсни звукъ!..

Проходитъ тѣмъ же порядкомъ группа грабельщицъ. Около дома Александра останавливаются Марія и Елена и долго смотрятъ вслѣдъ уходящимъ подругамъ.

ПѢСНЯ ГРАБЕЛЬЩИЦЪ:

Сѣно мягкое, душистое
Мы сгребали по лугамъ,
И катились волокнистые
Гребни весело къ ногамъ...
Эти гребни въ копны стройныя
Уложили мы толпой
И, довольныя, покойныя,
Возвращаемся домой.

Елена входитъ въ домъ и оставляетъ дверь широко открытою. Изъ двери видно горящую печку. Серафима мѣшаетъ что-то въ горшкѣ. Около стола сидитъ старикъ; въ рукахъ у него большая булка хлѣба, которую онъ рѣжетъ. Съ другой стороны стола сидитъ Иванъ. Марія садится на скамейку около дома.

Марія. Охъ, устала! Руки болятъ. Поднимаетъ и потягиваетъ руки. Что значитъ первый день грабила!.. Потомъ такъ привыкнешь, что усталости чувствовать не будешь. Задумывается. Какъ хорошо на дворѣ! Опять задумывается. Дмитрій придетъ сегодня ночью... я ему позволила... Какой онъ хорошій— Дмитрій! Какъ я его люблю!..

Серафима выглядывая изъ двери. Марія! иди ужинать! Уходитъ.

Марія. Сейчасъ, мама. Продолжаетъ сидѣть. Опять, задумавшись. И онъ меня любитъ... Въ субботу бу-

детъ наша свадьба... Какъ то мы станемъ жить? Я думаю, что хорошо... Дмитрій будетъ работать въ полѣ, а я... я и въ полѣ и дома. Приготовлю ему вкусный обѣдъ... Онъ придетъ усталый...

Елена выбѣгаетъ изъ дома. Марія, иди! Ужинъ остынетъ. Опять замечталась о своемъ возлюбленномъ. Идемъ, идемъ!.. Тащитъ ее за руку. Марія встаетъ. Ночью съ нимъ насидишься... Идутъ въ домъ, гдѣ вся семья уже сидитъ за ужиномъ. Передняя стѣна дома опускается.

Александръ. Наконецъ-то ты, невѣста. Супъ остылъ.

Марія. Ничего, отецъ, я и холодный съѣмъ. Садится за столъ.

Александръ. Наработались мы сегодня! Жаркій день былъ! Давай-ка картофель, старуха, да пора и на боковую.

Иванъ зѣвая. Пора.

Александръ. Усталъ ты? Молодъ еще, чтобы цѣлый день косить. Ну, да ничего: надо привыкать. Я уже старъ. Умру — ты одинъ работникъ останешься, мать да сестеръ прокармливать. Эхъ, жаль Константина! Былъ бы живъ Константинъ — легче бы намъ всѣмъ было.

Серафима съ грустью. Сегодня ровно двадцать лѣтъ, какъ незнакомый старикъ укралъ у насъ нашего милаго ребенка.

Елена. Мама! Мама! Разскажи, какъ это слу-

чилось, какъ отвратительный старикъ укралъ нашего братца?

Серафима. Вѣдь я уже много разъ вамъ объ этомъ разсказывала.

Елена. Ахъ, мама, еще разъ разскажи! Я такъ люблю слушать, когда ты говоришь про братца Константина... Когда пришелъ старикъ?

Марія. Да, мама, разскажи.

Серафима. Старикъ пришелъ днемъ... Мы всѣ ушли въ поле, а Константинъ нашъ, ему было тогда семь лѣтъ и три мѣсяца, остался дома сторожить свинью, которая должна была опороситься. Онъ уже оставался такъ не въ первый разъ, только въ тотъ день, когда мы съ другими людьми вышли въ поле, намъ встрѣтился какой-то старичекъ-нищій, маленькій такой и дряхлый. Онъ попросилъ у насъ хлѣба, и, такъ какъ я взяла хлѣба съ собой въ поле, то и дала ему кусокъ. Онъ взялъ кусокъ, поблагодарилъ, да вдругъ какъ посмотрѣлъ на меня, да засмѣялся такой злой, такой страшной улыбкой...

Александръ. Марія, положи-ка еще картофеля въ чашку.

Серафима. Постой, я сама...

Елена. Да нѣтъ, ты разсказывай дальше, мама!

Серафима у печки. Сейчасъ, сейчасъ, погоди...

Вынимаетъ картофель изъ печки и кладетъ въ чашку.

Елена. Ну, мама?

Серафима. Такъ вотъ, говорю, я тогда испугалась и поскорѣе пошла дальше, за другими людьми, которые ушли впередъ, пока я доставала хлѣбъ нищему. И не пришло мнѣ тогда въ голову, что старикъ этотъ пойдетъ въ деревню и уворуетъ нашего Константина...

Елена. А какъ, мама, ты почувствовала въ полѣ, что дома неладное дѣлается?

Серафима. Почувствовала, почувствовала!.. Меня точно кто-то въ спину толкнулъ и такъ сильно, что грабли изъ рукъ выпали... Мы тогда тоже траву гребли... И сердце такъ заныло... И не знаю какъ, но бросилась я бѣжать домой,— да ужъ поздно было! Подхожу къ дому, а старикъ выходитъ изъ дверей и страшный такой, большой—точно сразу выросъ... И Константинъ у него на рукахъ — плачетъ, кричитъ:—спасите, мама, спасите!—Я къ нему... хочу схватить его, вырвать отъ старика. Но только протянула руки, а онѣ и застыли въ воздухѣ... Хочу кричать — голоса нѣтъ! Бѣжать — ноги отнялись! А старикъ, тѣмъ временемъ, свернулъ на большую улицу и исчезъ, исчезъ съ ребенкомъ. Пришли люди къ обѣду, застали меня полумертвую, насилу оттерли, откачали... Я имъ все разсказала... Послали погоню за проклятымъ старикомъ во всѣ стороны, но его и слѣдъ простылъ.

Елена со слезами въ голосѣ. Бѣдный Константинъ!

Александръ со вздохомъ. Такой хорошій мальчикъ былъ—послушный, ласковый!.. Я его, какъ сейчасъ, помню.

Серафима плачетъ.

Марія. Въ тотъ же день и у Дмитрія пропалъ маленькій братъ.

Александръ. Да, въ тотъ же день... Нищій старикъ не удовлетворился одной жертвой... Отецъ Дмитрія умеръ съ горя по сыну.

Серафима плачетъ.

Елена подходитъ и ласкается къ матери. Ахъ, милая мама, не плачь такъ!.. Ну, успокойся!

Иванъ подходитъ къ матери съ сосудомъ, наполненнымъ водой. На воды! воды выпей!.. Обращается къ сестрамъ. Никогда не надо просить ее разсказывать эту тяжелую исторію о братѣ Константинѣ: она всегда разстраивается!

Елена. Но я такъ люблю слушать...

Иванъ перебивая и передразнивая сестру. Люблю слушать!.. А вотъ всегда эти разсказы кончаются такъ... Мамѣ вредно волноваться!

Марія тоже подходитъ къ матери, тихо обнимаетъ ее.

Серафима опустивши голову и закрывъ лицо руками, громко всхлипываетъ.

Александръ. Ну, не плачь, старуха! Конечно, большое несчастье, что мы потеряли на-

шего старшаго сына, но нечего дѣлать! Посмотри на другихъ дѣтей... Подними только голову.

Серафима отнимаетъ руки отъ лица и смотритъ на дѣтей. Милыя, милыя дѣтки!..

Александръ. Не намъ, съ такими дѣтьми, роптать, да на судьбу сѣтовать.

Марія ласково. Вотъ, мама, я выйду замужъ... У тебя будутъ внучата, тоже маленькіе и хорошенькіе... Старшаго я назову Константиномъ, пусть онъ замѣнитъ тебѣ погибшаго сына.

Елена живо. Да... да... въ самомъ дѣлѣ, перестань, мама, плакать... Будемте говорить о Маріиной свадьбѣ.

Иванъ. Ну, вы говорите, а мнѣ пора... Усталъ, спать пойду.

Елена Ивану. Ужъ и спать! Къ Софіи пойдешь!.. У нея сегодня вечеринка.

Иванъ тихо Еленѣ. Пойду, да не сейчасъ, отдохну раньше.

Елена потихоньку. Когда пойдешь—позови меня. Софія просила, чтобы я непремѣнно пришла къ ней.

Иванъ. Знаемъ—Софія... Семена своего давно не видала!

Елена. Молчи!.. Иванъ уходитъ.

Александръ. Да, еще недѣлька и уйдетъ отъ насъ наша Марія... Опустѣетъ домъ...

Марія. Что-жъ, я уйду недалеко, въ тотъ же поселокъ. Будемъ каждый день видѣться.

Александръ. Какже! Каждый день! Хорошо, если разъ въ недѣлю увидимся. У тебя пойдутъ дѣти, заботы по хозяйству; въ свободное время съ мужемъ захочешь посидѣть... Для родителей и минуты не останется. Да оно такъ и правильно, такъ и должно быть... После паузы. Къ свадьбѣ у тебя все готово? Бѣлье, наряды?

Серафима. Только ты свое приготовь, а ужъ объ этомъ не безпокойся!

Александръ. И мое готово. Коровъ, лошадей, овецъ — всего вдоволь получитъ Марія. И свадьбу настоящую справимъ; хозяйство наше теперь идетъ хорошо.

Серафима. Благодареніе судьбѣ!..

Александръ. И добрымъ хозяевамъ. Помнишь, какъ мы получили хозяйство послѣ покойника старшаго брата? Въ какомъ оно было видѣ! Ни одной постройки, ни одного деревца... Земля запущенная...

Серафима. Да, это было послѣ страшной войны, всѣмъ памятнаго года. Господи, что тогда дѣлалось! Сколько ужасовъ! Всѣ наши родные тогда были убиты. Какъ еще мы уцѣлѣли?

Александръ. Намъ помогъ нашъ другъ Лизандръ, укрывшій насъ въ подвалѣ своего дома... Послѣ паузы. Все было разорено. Мы остались нищіе, съ однимъ этимъ кускомъ земли. Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,— а только теперь и

вздохнули. Смотритъ въ окно на освѣщаемые луной садъ, поля и, вдали, лѣсъ. Вотъ теперь и садикъ хорошій и лѣсокъ издали видно—темнѣетъ... Былъ одинъ кустарникъ... А рожь! Выглядываетъ въ окно. Посмотри на рожь! Какой колосъ, какая тяжесть! Какъ серебрится, какъ переливается при лунѣ! Богатый урожай будетъ въ этомъ году... Серафима прибираетъ все со стола. Эхъ, замечтался я!.. А пора спать; завтра вставать пораньше, работы много. Будь здорова, Марія!

Марія. Покойной ночи, отецъ!

Александръ. И тебѣ, навѣрное, спать хочется, хоть и невѣста... Наработалась... А, можетъ, пойдешь къ Аннѣ на вечеринку?

Марія. Нѣтъ, я устала... Пусть молодежь идетъ.

Александръ смѣясь. А ты ужъ старуха?! Встаетъ, подходитъ къ Серафимѣ и цѣлуетъ ее. Спи спокойно, Серафима.

Серафима. Я сейчасъ за тобой. Александръ уходитъ въ другую комнату. Марія снимаетъ съ себя верхнее платье и, въ бѣльѣ, ложится на скамейку, вродѣ дивана, покрытую мягкой тканью. Серафима подходитъ къ дочери и цѣлуетъ ее. Доброй ночи. Уноситъ свѣтильникъ и сама уходитъ въ другую комнату, куда пошелъ Александръ.

Наступаетъ тишина. Поетъ соловей. Чуть-чуть колышутся деревья; легкимъ, едва слышнымъ звукомъ отвѣчаетъ имъ волнующаяся рожь. Шумитъ рѣка. Сцена продолжается минутъ десять. Потомъ

издали слышатся звуки пѣсни, которые все приближаются. Появляется Дмитрій и направляется къ домику, расположенному съ лѣвой стороны.

Дмитрій поетъ:

Ночь глубокая, благодатная
Дышетъ нѣгою и истомою;
Рожь душистая не волнуется,
Отуманена сладкой дремою.
Что за миръ вокругъ—безмятежный миръ!
Все зоветъ къ любви, къ наслажденію...
О, проснись скорѣй,—стукъ, стукъ, стукъ!

Стучитъ гитарой въ окно Маріи.

Скорѣй!

О дождусь-ли я пробужденія?

Еще разъ стучитъ.

Марія за окномъ. А!.. Кто тамъ? Кто это стучитъ.

Дмитрій. Марія!

Марія. Дмитрій! Ахъ, это ты!.. Какъ-же я испугалась. Появляется въ окнѣ.

Дмитрій протягивая къ ней руки. Вѣдь ты же позволила мнѣ притти сегодня ночью...

Марія. Да... Но я забыла объ этомъ. Я спала и видѣла такой страшный сонъ... Я вся дрожу...

Марія высовывается изъ окна и Дмитрій обнимаетъ ее въ окнѣ.

Дмитрій ласково. Что же тебѣ снилось?

Марія. Что мнѣ снилось?.. О... о!.. Вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. Мнѣ снилась кровь, Дмитрій, красная, теплая кровь... Кровь была вездѣ... Кровью было залито небо; мѣсяцъ бросалъ на землю кровяной блескъ; на деревьяхъ, вмѣсто плодовъ, висѣли большія алыя капли; земля казалась залитою потоками крови... Кровь была на стѣнахъ нашихъ домовъ, на нашихъ платьяхъ, на тебѣ, Дмитрій!.. Дрожитъ. Полушепотомъ. Воздухъ казался наполненнымъ теплымъ испареніемъ крови, человѣческой крови... А! А!.. Пронзительно вскрикиваетъ и дрожитъ.

Дмитрій. Но успокойся, Марія, вѣдь это было только во снѣ!..

Марія. Да, но мнѣ страшно!.. Слушай, я боюсь комнаты. Мнѣ кажется, что сзади, изъ угловъ, ко мнѣ тянутся какія-то руки... Онѣ сейчасъ схватятъ меня, онѣ въ крови!..

Дмитрій. Такъ выйди ко мнѣ.

Марія. А на дворѣ никого нѣтъ? Навѣрное?

Дмитрій. Никого.

Марія. Я выйду... Пусти... Освобождается изъ его рукъ и выбѣгаетъ на дворъ. Ахъ, какъ хорошо тутъ дышется! Какая чудная ночь!

Дмитрій. Сядемъ здѣсь, на траву.

Марія. Трава мокрая, сегодня сильная роса... лучше на скамейку. Усаживаются на скамейку.

Дмитрій. Ну, вотъ, такъ... Беретъ ее руку. Теперь ты немного успокоилась. Можно ли такъ пугаться сна?

Марія. А знаешь, Дмитрій, это—нехорошій сонъ. Ты увидишь, у насъ случится что-нибудь страшное.

Дмитрій улыбаясь. Вѣщунья. Обнимаетъ ее. Полно, ты точно старая баба—вѣришь снамъ!..

Марія. А ты не вѣришь?

Дмитрій. Разумѣется, нѣтъ! Сонъ — впечатлѣніе дня, безпорядочное, нестройное, и больше ничего.

Марія. Только эта кровь казалась такою живой...

Дмитрій. Довольно о крови... Поговоримъ лучше о томъ, какъ мы устроимся съ тобой послѣ свадьбы въ нашемъ новомъ домѣ... Сегодня мы выкрасили въ немъ послѣднее окно... Такъ славно, такъ уютно тамъ!.. Только тебя не хватаетъ. Осторожно прижимаетъ ее къ себѣ. Марія... милая!..

Марія ласково. Дмитрій!.. Крѣпко прижимаются другъ къ другу.

Дмитрій въ восторгѣ. Ночь-то какая! Ночь!..

Марія. А тишина!.. Прислушивается къ тишинѣ.

Свѣтитъ мѣсяцъ, деревья не колышатся,
поетъ только соловей.

Ахъ, милый, милый!.. Обнимаетъ и цѣлуетъ его. Какъ легко, какъ свѣтло на душѣ! Какъ жить хочется!

Дмитрій. И какъ хороша жизнь!

Марія. И какъ надо цѣнить ее! Какъ надо

благодарить природу за то, что она дала намъ жизнь—это высшее наслажденіе, это блаженство!

Дмитрій. Да, жить!.. Жить для того, чтобы спокойно работать, спокойно любить, любоваться этой окружающей красотой... Цѣнить каждый часъ, каждую минуту жизни...

Марія. А люди часто такъ безжалостно расточаютъ свою жизнь... Отецъ разсказывалъ сегодня, какъ тутъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, была война. Люди убивали другъ друга, сжигали дома, рубили вотъ такія роскошныя деревья *показываетъ на окружающія деревья*. Когда отецъ началъ хозяйничать— тутъ, на этомъ мѣстѣ, ничего не было.

Маленькое облачко чуть-чуть заволакиваетъ мѣсяцъ.

Дмитрій. Все это было давно, и насъ съ тобой тогда еще не было на свѣтѣ.

Дѣлается темнѣе. Поднимается легкій вѣтерокъ; деревья нѣсколько заколыхались и зашумѣли.

Марія *тихо прижимаясь къ Дмитрію.* Я боюсь войны, Дмитрій...

Дмитрій. Войны? Теперь? Какіе пустяки! Развѣ можетъ быть война при нашемъ современномъ образцовомъ вооруженіи?

Марія. Но и другіе народы вооружены не хуже.

Дмитрій. Ну, допустимъ, что нѣсколько хуже... Хотя, конечно, разница между ихъ и нашими боевыми силами небольшая. Дѣло только въ томъ, что ни мы, ни они не рѣшатся никогда первые сдѣлать нападеніе. Да и вообще, что тебѣ вздумалось говорить о войнѣ?.. Война — преданіе, о войнѣ теперь никто не думаетъ. Всѣ стремятся къ долгому и прочному миру, мечтаютъ о разоруженіи.

Марія *жмется къ нему.* Не знаю, но мнѣ страшно... И этотъ сонъ...

Дмитрій. Довольно, Марія!.. Лучше обними меня покрѣпче. *Беретъ ея руки и закладываетъ ихъ за свою голову.* У тебя и ручки похолодѣли.

Марія *не отнимая рукъ.* Ты подумай, вдругъ бы это роскошное поле вытопталъ табунъ чужихъ лошадей, эти деревья срубили бы на топливо, этотъ домикъ—нашъ милый, уютный домикъ—разорили бы!..

Дмитрій *быстро беретъ ея голову руками.* Ну, обнимай и цѣлуй... *Крѣпко цѣлуетъ ее.* Вотъ такъ... такъ... *Цѣлуетъ ее. Марія тоже начинаетъ нѣсколько увлекаться и отвѣчаетъ ему поцѣлуями. Въ это время около стараго дуба показывается фигура Марса, который быстро проходитъ по сценѣ, однако, такъ, что Дмитрій, сидя къ нему спиною, не видитъ его, а Марія замѣчаетъ его тогда, когда онъ уже на концѣ сцены и, уходя, оборачиваетъ къ ней свое старческое кровожадное лицо. На мигъ все около него и кругомъ, при свѣтѣ мѣсяца, получаетъ кровя-*

ной оттѣнокъ... А стараго дѣдушку Марса оставимъ въ покоѣ. Его дни давно сочтены.

Марія съ ужасомъ, вглядываясь нѣсколько мгновеній въ лицо Марса... А!.. Пронзительно кричитъ и падаетъ въ обморокъ.

Марсъ исчезаетъ. Фигура Ивана появляется у задняго окна дома.

Иванъ осторожно стучится въ окно. Елена! Пойдемъ къ Софіи, что ли? Я иду.

Елена изъ дома. Иду.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Дворъ передъ домомъ и домъ Софіи. Двери дома широко открыты на дворъ; домъ освѣщенъ, отчего и дворъ получаетъ нѣкоторое освѣщеніе, нѣсколько отличающееся отъ луннаго. Свѣтитъ луна. Музыка. Раздается нѣсколько послѣднихъ аккордовъ. Танцующія пары расходятся: однѣ въ домъ, другія въ глубину двора и въ садикъ. Нѣкоторыя ходятъ взадъ и впередъ по сценѣ. Съ правой стороны сцены входятъ Елена и Иванъ. Навстрѣчу имъ выбѣгаетъ Софія.

Елена здороваясь съ Софіей. Здравствуй, Софія!

Софія. Добрый вечеръ! А ужъ я думала, что вы не придете.

Елена. Поздно? Очень ужъ много работали сегодня днемъ, легли немного отдохнуть.

Въ это время Софія здоровается съ Иваномъ и всѣ трое отходятъ къ дому: Елена нѣсколько впереди, а Софія съ Иваномъ сзади.

Софія Ивану. Не успѣлъ бы выспаться, лѣнтяй!..

Иванъ. Ну, ну, ладно... Чуть-чуть обнимаетъ ея талію рукой, отъ которой та сейчасъ же освобождается. Проходятъ. Изъ сада появляются нѣсколько мужчинъ; двое несутъ боченокъ съ пивомъ

Первый. Вотъ сюда намъ его и давайте, тутъ мы его и разопьемъ...

Второй. Вотъ, вотъ подъ эту липку. Указываетъ на дерево, сбоку сцены.

Первый. Тутъ мы и молодежи не будемъ мѣшать... Пусть ее забавляется, а мы будемъ попивать...

Третій и четвертый становятъ боченокъ на скамейку подъ деревомъ, находящимся на правой сторонѣ сцены.

Первый. Ну, ну, откупоривайте боченокъ, а я кружечкой запасся. Откупориваютъ боченокъ, наливаютъ вино въ кружку. Второй мужчина уходитъ на минуту въ домъ и выходитъ съ двумя кружками въ рукѣ.

Второй. Вотъ и еще двѣ кружки. Наливаютъ, и всѣ пьютъ.

Первый. А слышали ли вы, любезные господа—я только не знаю, можно ли вѣрить этакому слуху—будто у насъ, знаете ли, вышла съ „чужими“ какая то непріятность?

Четвертый. Какая непріятность?

Первый не отвѣчая ему. По поводу которой собрано у насъ экстренное народное собраніе. Да.

Четвертый. Какая-же непріятность?

Первый. А ужъ этого дѣла я не знаю; слышалъ, что изъ-за какихъ-то товаровъ... Да. И говорятъ, будто и дымкомъ у насъ запахнетъ.

Второй. Какъ? Неужели готовится война?

Третій. Какая война? Мы не хотимъ войны!

Четвертый. Какое намъ дѣло, что они тамъ ссорятся? Мы драться не будемъ.

Первый. И, будто, не будете? А если велятъ?..

Четвертый. Кто-же велитъ?

Первый. А вотъ, народное собраніе...

Четвертый недовольнымъ голосомъ. Народное собраніе!.. Да изъ-за чего намъ биться съ „чужими"? Мы другъ другу ничего плохого не сдѣлали.

Первый. Ну, а если велятъ?

Къ разговаривающимъ подходитъ Марсъ.

Марсъ. Вы, я вижу, господа о предстоящей войнѣ разговариваете?

Четвертый. А ты кто такой?

Марсъ. А я бѣдный старичекъ-путешественникъ, иду изъ города „Братской любви".

Четвертый. Какъ, изъ города „Братской любви"?

Марсъ смиренно. Изъ города „Братской любви".

Первый. Такъ, въ такомъ случаѣ, любезный, ты знаешь всѣ новости нашей столицы! Разскажи намъ—что тамъ такое случилось?..

Марсъ. А случилось то, что пятьдесятъ ты-

сячъ человѣкъ, вооруженные съ ногъ до головы, стоятъ въ городѣ и со дня на день ждутъ приказанія выступить противъ непріятеля.

Четвертый. Это противъ „чужихъ“?

Марсъ. Да, противъ „чужихъ“, нашихъ злѣйшихъ враговъ!

Первый. А еще на прошлой недѣлѣ у меня былъ гость изъ страны „чужихъ“, такой хорошій человѣкъ!.. И мы съ нимъ отлично провели время... Выпили даже на „ты“. Да.

Марсъ *нѣсколько возвышая голосъ.* „Чужіе“ поступили противъ насъ болѣе, чѣмъ подло. Мало того, что они за ничтожную плату отняли у насъ богатыя земли у Холоднаго моря, мало того, что они на каждомъ шагу притѣсняютъ насъ и стѣсняютъ нашу торговлю, — они требуютъ теперь, чтобы мы разрѣшили безпошлинный перевозъ ихъ товаровъ черезъ нашу границу; иначе они не пустятъ къ себѣ нашихъ сырыхъ произведеній. Это—убытокъ для нашего государства на нѣсколько милліоновъ золотыхъ, а мы и такъ съ трудомъ сводимъ концы съ концами. Чтобы пополнить убытокъ, который произойдетъ отъ сложенія пошлины съ товаровъ „чужихъ“, намъ придется изобрѣсти новый налогъ, а вы сами знаете, на комъ тяжелѣе всего отзываются налоги!

Понемногу вокругъ разговаривающихъ собирается народъ.

Третій. Конечно, на насъ, земледѣльцахъ.

Марсъ. Ну да, разумѣется! Итакъ, земля не даетъ вамъ большого дохода.

Второй. Какой тутъ доходъ?

Третій и за нимъ два-три голоса изъ толпы. Никакого дохода! Да, никакого дохода!..

Второй. Едва себя съ семьями прокармливаемъ.

Марсъ. А тутъ вдругъ еще новый налогъ! На лошадей, напримѣръ, или на коровъ? Отъ коровы два золотыхъ.

Нѣсколько голосовъ изъ народа съ изумленіемъ и ужасомъ. Два золотыхъ?!..

Марсъ первому мужчинѣ. Вотъ, у васъ сколько коровъ?

Первый. Да у меня двѣнадцать штукъ.

Марсъ. Вотъ вамъ, значитъ, платить двадцать четыре золотыхъ въ годъ. Четвертому мужчинѣ. А у васъ?

Третій. У него шесть.

Второй. Значитъ, съ него двѣнадцать золотыхъ?

Марсъ. Да.

Четвертый. И съ какой стати? Я этого не хочу! Чортъ ихъ возьми, этихъ „чужихъ" съ ихъ безпошлинными товарами! Не уступать имъ ничего!

Марсъ. А если не уступать, то придется взяться за оружіе.

Четвертый. Но война разоритъ нашъ край.

Марсъ. Война, конечно, разстроитъ ваши дѣла, но только на годъ, самое большее—на два; потомъ можно поправиться... А огромныя пошлины будутъ постоянно сосать вашу кровь.

Четвертый. Да, и это вѣрно.

Первый. И это еще хуже войны.

Марсъ. Разумѣется, хуже. Война — минута! Встрѣтились въ открытомъ полѣ, воодушевляется, глаза вспыхиваютъ яркимъ огонькомъ, полилась кровь, стѣснили враговъ и ставите имъ какія угодно условія!..

Четвертый. Конечно, конечно, это тоже хорошо! Въ самомъ дѣлѣ, что намъ уступать? „Чужіе“ сами не знаютъ, чего хотятъ. Мы не можемъ ради нихъ оставаться нищими.

Первый. А вотъ я и говорилъ, что будетъ война, потому что съ какой стати намъ платить лишніе налоги? Народное собраніе тоже, господа, знаетъ, что дѣлаетъ.

Марсъ. Разумѣется, налоги васъ разорятъ, вы останетесь нищими! Сто разъ лучше—война! Пожертвовали нѣсколькими человѣческими жизнями, но за то остальныя свободны... Мужъ убитъ — жена, дѣти свободны! А вѣдь постоян-

но уступать „чужимъ“ это—сажать себя въ кабалу!

Нѣсколько голосовъ изъ толпы. Ты правъ, старикъ, нельзя уступать „чужимъ“!

Четвертый. Долой „чужихъ“! Ура, „родной“ народъ! Ура! Подходя къ бочкѣ. Дайте стаканъ старику!

Второй наливаетъ стаканъ вина и подаетъ Марсу. Пей, старикъ!

Марсъ высоко подымая стаканъ:

Завѣтъ Олимпа—брань и мщенье
И, откровенно говоря,
Смѣшно намъ жалкое ученье
Лже-Іудейскаго царя!
Прощать врагу, любить въ немъ брата—
Все это годно для дѣтей,
Мужамъ—кровавая расплата
Милѣе ласковыхъ рѣчей!
Напрасно дерзкій врагъ ликуетъ,
Скорѣй сразимъ его мечемъ!
Кто всѣхъ сильнѣе—торжествуетъ,
А слабый—будь его рабомъ!

Да здравствуетъ война! Да здравствуютъ „родные“! Ура!

Всѣ присутствующіе. Ура! Ура!

Дмитрій пришедшій въ началѣ разговора Марса съ четырьмя мужчинами, продвинувшійся понемногу впередъ, въ правый уголъ сцены, и слушавшій съ изумленіемъ пѣсню Марса, съ ужасомъ. Марія! Марія!..

Занавѣсъ опускается, потомъ, нѣсколько спустя, поднимается опять. Та-же сцена. Мужчины и Марсъ отошли въ сторону. Музыка весело играетъ. Беззаботная пляска въ полномъ разгарѣ. Десять минутъ спустя занавѣсъ опять опускается.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА.

Въ странѣ «чужихъ». Зала засѣданій совѣта народныхъ представителей. За низкимъ столомъ, покрытымъ тяжелой темной плюшевой скатертью, сидятъ народные представители, въ изысканномъ по роскоши и свѣжести платьѣ.

Первый представитель сѣдой старикъ съ мягкимъ, пріятнымъ выраженіемъ лица, продолжаетъ начатую ранѣе рѣчь. ...Но предоставить край бѣдствіямъ войны, ужасно! Вы, господа, молоды! Вы не помните, а во мнѣ постоянно живетъ воспоминаніе о войнѣ, бывшей у насъ съ „родными“ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Страна наша только теперь совершенно оправилась отъ критическаго положенія, въ которое повергла ее война. Съ трудомъ мы возстановили наше прежнее блестящее матеріальное положеніе, нашу промышленность и сельское хозяйство!.. Надо пойти на всевозможныя уступки, только бы не начинать войны съ „родными“. Помните, что каждый, даже самый крупный компромиссъ, въ тысячу разъ лучше одной боевой схватки при современномъ оружіи. Садится.

Второй представитель молодой человѣкъ, съ живыми движеніями, быстро встаетъ. Уступать далѣе немыслимо! Пусть слабые старики отступаютъ передъ опасностью, а мы, молодое поколѣніе, не станемъ губить родину. Имъ все равно, имъ — лишь бы прожить спокойно оставшіяся нѣсколько лѣтъ жизни. Они умрутъ, а расплачиваться за ихъ ошибки придется намъ! Намъ принадлежитъ будущее страны! Мы молоды и сильны, и можемъ бороться! Среди присутствующихъ раздаются крики: „браво! браво!“ И такъ мы заплатили „роднымъ“ безумныя деньги за какой-то дрянной, ни къ чему негодный, кусочекъ земли, около Холоднаго моря. Довольно!

Первый представитель. Эта земля негодна для земледѣльческой культуры—правда, но въ ея нѣдрахъ золото. Изысканія показали...

Второй представитель перебиваетъ его. Все равно... Пріобрѣтеніе этой земли было уступкой. Пусть бы „родные“ сами копали тамъ золото, если у нихъ есть средства. Не стали бы копать, и мы получили бы землю за безцѣнокъ. Мы показали свою слабость. Враги обрадовались и накладываютъ теперь огромныя пошлины на наши товары. Подобная штука нетерпима! И безъ того наша промышленность...

Председатель народнаго собранія лѣтъ сорока, видный мужчина. Темные волосы и борода съ

просѣдью. Держитъ себя съ большимъ достоинствомъ. Ровнымъ, громкимъ голосомъ, перебивая второго представителя. Наша промышленность въ блестящемъ состояніи!

Голоса изъ числа присутствующихъ. Наша промышленность въ блестящемъ состояніи! Наша промышленность въ блестящемъ состояніи!..

Первый представитель. Да и нѣтъ надобности соглашаться на такое крупное повышеніе пошлинъ. Я увѣренъ, что путемъ дальнѣйшихъ дипломатическихъ переговоровъ можно добиться отъ „родныхъ“ нѣкотораго смягченія ихъ ультиматума.

Представитель второй вскакивая съ мѣста. Ультиматума?! Они смѣютъ намъ ставить ультиматумъ?

Представитель третій вставая. Они не смѣютъ!..

Нѣкоторые изъ представителей встаютъ. Они не смѣютъ!.. Не смѣютъ!..

Нѣсколько голосовъ изъ числа присутствующихъ, кричатъ. Не смѣютъ! не смѣютъ! Въ своихъ дѣлахъ мы хозяева! Поднимается шумъ.

Представитель второй взволнованнымъ голосомъ, перебивая всѣхъ. Мы имъ поставимъ ультиматумъ: или теперешній тарифъ остается въ силѣ или... война!..

Многіе голоса. Война! Война! Война! Шумъ усиливается, двигаютъ креслами, стучатъ. Война!

Представитель первый. Но вы погубите стра...

Голоса присутствующихъ *перебиваютъ его рѣчь.* Война! Война!..

Представитель первый *громко.* Но, позвольте... Дайте мнѣ сказать!..

Представитель второй и нѣсколько голосовъ. Слышали! Слышали! Никакихъ уступокъ!.. Довольно уступокъ!.. Война! Война!..

Предсѣдатель народнаго собранія *продолжительно звонитъ. Понемногу голоса смолкаютъ, представители садятся и возстанавливается порядокъ.*

Представитель первый. Позвольте мнѣ сказать...

Нѣсколько голосовъ. Слышали! Слышали!.. *Поднимается опять шумъ. Предсѣдатель звонитъ.*

Предсѣдатель народнаго собранія *обращается къ представителю первому и затѣмъ ко всему собранію.* Говорить больше не о чемъ. Всѣ доводы за и противъ войны исчерпаны въ массѣ сказанныхъ въ настоящемъ нашемъ собраніи рѣчей. Сохраненіе мира съ „родными" возможно лишь, какъ выяснили дипломатическіе переговоры и какъ сообщилъ это намъ, господа, во вчерашнемъ засѣданіи нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, при слѣдующихъ взаимныхъ уступкахъ двухъ странъ: „родные" находятъ, что они слишкомъ дешево уступили намъ землю при Холодномъ морѣ

и, чтобы возмѣстить свой убытокъ, хотятъ поднять болѣе чѣмъ вдвое пошлины на наши товары. Мы соглашаемся вернуть обратно „роднымъ“ ихъ землю, но съ тѣмъ, чтобы, взамѣнъ этого, намъ былъ разрѣшенъ безпошлинный ввозъ нашихъ товаровъ въ страну „родныхъ“.

Выгоды и невыгоды такого обмѣна были подробно обсуждены въ нашемъ собраніи, причемъ одни члены собранія высказались за уступку, а, слѣдовательно, и за ея неизбѣжное послѣдствіе — миръ, другіе — за войну. Вопросъ, такимъ образомъ, представляется вполнѣ яснымъ: принять предложеніе „родныхъ“ или не принять? Предлагаю рѣшить его закрытой баллотировкой. Секретарь обноситъ ящикъ съ шарами. Въ залѣ полное молчаніе.

Предсѣдатель принимая отъ секретаря ящикъ съ шарами, ставитъ его на столъ, открываетъ первое отдѣленіе ящика. Бросая шары въ золотой сосудъ, считаетъ. Разъ, два... до шестидесяти пяти. Потомъ открываетъ другое отдѣленіе и опять считаетъ. Разъ, два, три, четыре... Громко. Бѣлыхъ шестьдесятъ пять, черныхъ — четыре. Такимъ образомъ, шестьдесятъ пять голосовъ противъ уступки, четыре—за уступку. Обращаясь къ рядомъ сидящему министру иностранныхъ дѣлъ. Прошу васъ, господинъ министръ, дать знать о рѣшеніи собранія представителю народа „родныхъ“.

Члены собранія съ шумомъ встаютъ.

Представитель первый опускаясь въ кресло. Гибель! Гибель!.. Схватываетъ голову руками и громко рыдаетъ.

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА.

Въ странѣ «чужихъ». Въ домѣ Леонида. Довольно богато обставленная комната, низкіе диваны, ковры. На стѣнахъ— оружіе, сабли, карабины. Леонидъ, Анна.

Леонидъ. Я все-таки удивляюсь Константину: идетъ на войну, прощается, можетъ быть—навсегда, со своимъ домомъ, съ нами... и хоть бы пролилъ одну слезинку!

Анна. Онъ никогда не былъ чувствителенъ и даже ребенкомъ никогда къ намъ не ласкался... а война—его любимая мечта.

Леонидъ. Да... Стоитъ только посмотрѣть на все это *указываетъ рукой на оружіе* убранство нашего дома! Пока мы жили одни, у насъ и въ заводѣ не было не только ружья, но даже простого кинжала. А за это время, какъ подросъ подкинутый намъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ ребенокъ, нашъ домъ сталъ похожъ на оружейную мастерскую.

Анна. Да, я помню, восьми лѣтъ отъ роду Константинъ стрѣлялъ уже изъ большого ружья.

Леонидъ. Что значитъ чужой ребенокъ! На-

вѣрное, отецъ его былъ какимъ-нибудь воиномъ... Качества и недостатки родителей переходятъ къ дѣтямъ. Если бы мы были счастливы и имѣли дѣтей — изъ нихъ непремѣнно вышли бы самые миролюбивые граждане.

Анна. Что думать о томъ, чего нѣтъ! Я всегда благодарю судьбу, что она послала намъ Константина, и люблю его какъ родного сына.

Леонидъ. И я его люблю. Онъ пугаетъ меня иногда своими дерзкими замашками, своими постоянными мечтами о ратныхъ подвигахъ, о славѣ... Миръ и тишина точно непріятны ему,—онъ и въ домѣ, сплошь да рядомъ, является нарушителемъ тишины.

Анна. Это такъ, но все-таки у него доброе сердце.

Леонидъ. Не знаю... Я тоже прежде такъ думалъ, но потомъ... Временами онъ такъ жестокосердъ... Убить или замучить животное—кошку, собаку ему ничего не стоитъ. Чужое страданіе его совершенно не трогаетъ.

Анна. Онъ и своему придаетъ немного значенія. Помнишь, когда лошадь уронила его и онъ разбилъ объ острый камень руку?.. Онъ раздробилъ себѣ кость... Врачъ рѣзалъ ему руку, складывалъ куски кости, зашивалъ кожу, и хоть бы одинъ мускулъ дрогнулъ у него въ лицѣ во время операціи!

Леонидъ. Я, помню, хотѣлъ дать ему воды но онъ покачалъ головою и, отстранивъ мою руку съ кубкомъ, сказалъ:—Не надо, вы мѣшаете доктору шить—...Пауза. Не знаю, что изъ него выйдетъ.

Анна. Какъ угадать? Можетъ ему начертано широкое будущее. Теперь начинается война съ „родными", онъ можетъ отличиться...

Леонидъ. Отличіе на войнѣ—это, по моему, позоръ! Я желалъ бы, чтобы сынъ мой совсѣмъ не умѣлъ стрѣлять, чтобы не видѣть въ немъ кровожаднаго убійцу своихъ братьевъ, подобныхъ ему людей... Война, которую мы начинаемъ — безуміе!

Анна. Но нельзя же уступать „роднымъ"! Они хотятъ закрыть свой рынокъ для нашихъ товаровъ. Куда-же мы дѣнемся съ нашей огромной промышленностью? Не разоряться же намъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за какой-то идеальной доброты и любви къ человѣчеству.

Леонидъ. То разореніе, котораго мы боимся и изъ страха передъ которымъ начинаемъ войну—ничто въ сравненіи съ тѣмъ банкротствомъ, какое готовитъ намъ эта война. Мало ли что говоритъ наша молодежь, а „родные" тоже храбрый народъ и неизвѣстно, кто будетъ побѣдителемъ. Да и побѣдителю, во всякомъ случаѣ, не дешево достанется побѣда. А ужасы битвы, а рѣки невинной крови, а опустошенныя поля?..

Анна. Мнѣ кажется, что ты слишкомъ мрачно смотришь на дѣло. Константинъ говоритъ... Ахъ, да вотъ онъ и самъ идетъ сюда вмѣстѣ съ Марсомъ!

Леонидъ. Этотъ непріятный старикъ вѣчно съ нимъ. По моему, онъ имѣетъ вредное вліяніе на Константина.

Анна. Богъ съ тобой! Старый Марсъ такой чудный человѣкъ, онъ такъ преданъ нашему дому... Его общество можетъ быть только полезно для Константина, въ особенности теперь, передъ войной... Марсъ—испытанный боецъ, участвовавшій въ нѣсколькихъ сраженіяхъ.

Леонидъ. Я не могу его выносить. Онъ мнѣ и отвратителенъ, и страшенъ. Входятъ Константинъ и Марсъ. Леонидъ при появленіи Марса идетъ къ дверямъ.

Константинъ въ новомъ военномъ костюмѣ идетъ нѣсколько впереди Марса—бодрый, веселый, красивый, полный жизни. Довольно блѣденъ, съ большими блестящими глазами. Подходитъ къ матери. Здравствуй, мама! Цѣлуетъ Анну и идетъ вслѣдъ за уходящимъ Леонидомъ, котораго догоняетъ у дверей. Здравствуй!

Леонидъ быстро цѣлуя Константина. Здравствуй, здравствуй... Въ это время къ нимъ подходитъ Марсъ только что поздоровавшійся съ Анной, но Леонидъ поворачиваетъ ему спину, какъ бы не замѣчая его и исчезаетъ за дверью.

Марсъ обращаясь къ Аннѣ. Леонидъ даже не хо-

четъ замѣчать моего присутствія. Не понимаю, чѣмъ я навлекъ на себя его ненависть?

Анна *какъ бы извиняясь передъ Марсомъ за мужа.* Онъ такъ разстроенъ предстоящей войной...

Константинъ. Ахъ, а я такъ счастливъ ею.

Анна. Онъ, какъ всегда, видитъ все въ мрачныхъ краскахъ, старается замѣчать только темныя стороны войны.

Константинъ. Развѣ война можетъ имѣть темныя стороны? Что всѣ эти мелочи: человѣческое страданіе, слезы нѣсколькихъ женщинъ, пожаръ нѣсколькихъ деревень, когда бранный крикъ слышится въ полѣ, когда разомъ выплываетъ наружу все лучшее въ человѣкѣ—мужество, отвага, самолюбіе! Жалкія заботы о житейскомъ удобствѣ, чувство мелкаго расчета, чувство корысти, на которыя мы тратимъ лучшіе дни нашей жизни — все замолкаетъ. Запахъ крови носится въ воздухѣ и, возбуждаемый имъ, не мелкій человѣкъ, не жалкій пигмей, а одухотворенный великанъ носится на бѣшеномъ конѣ, рубитъ, сѣчетъ направо и налѣво, движимый однимъ желаніемъ, одной жаждой высшей, безсмертной славы!

Марсъ *съ восхищеніемъ глядя на Константина.* Какъ говоритъ! Какъ говоритъ!

Анна. Точно онъ испыталъ все это.

Марсъ. Изъ него выйдетъ герой! Это ничего, что онъ еще не испыталъ войны. Мелкая птица

долго учится полету, а молодой орелъ только слегка расправитъ свои крылья и, смотришь, онъ унесся уже за облака!

Анна съ умиленіемъ глядя на Константина. А отецъ недоволенъ...

Марсъ. Отецъ приписываетъ военный пылъ Константина всецѣло моему вредному, какъ онъ выражается, вліянію.

Константинъ Марсу. А развѣ онъ не правъ на счетъ вліянія? Ты, конечно, ты, мой старый другъ, внушилъ мнѣ благородные порывы души. Ты разсказывалъ мнѣ о доблестныхъ подвигахъ героевъ, жертвовавшихъ своей жизнью, покоемъ, семейными радостями для браннаго поля, для достиженія славы. Чудными, несравненными красками ты рисовалъ мнѣ картину ихъ часто недолгой, но за то полной безумнаго счастія, жизни... И я чувствовалъ, какъ отъ этихъ разсказовъ всѣ бѣдные доводы отца противъ войны разбивались, какъ я съ каждымъ днемъ поднимался надъ обычнымъ уровнемъ будничной жизни, скучной, меркантильной, однообразной, могущей внушать къ себѣ лишь презрѣніе.

Анна. Какой ты красивый, Константинъ! Какъ чудно горятъ твои глаза!

Константинъ съ увлеченіемъ, какъ бы не замѣчая матери, продолжая обращаться къ Марсу. А твоя послѣдняя сказка о глупомъ мудрецѣ Гераклидѣ, кото-

рый вздумалъ учить Зевса? Какъ живо она опровергаетъ всѣ безсмысленныя шипѣнія противъ войны! Я желалъ-бы, чтобы отецъ ее послушалъ. Я позову его, и ты разскажешь. Быстро направляется къ двери, въ которую ушелъ Леонидъ.

Марсъ ему вслѣдъ. Зачѣмъ? Не нужно!

Константинъ. У насъ есть еще время. Уходитъ въ дверь и зоветъ. Отецъ! Черезъ минуту приходитъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

Константинъ Леониду. Вотъ ты только выслушай, отецъ.

Леонидъ угрюмо улыбаясь. Ну, ну... Садится въ сторонѣ. Ужъ намъ знакома не одна сказка нашего уважаемаго сосѣда Марса.

Марсъ. Я знаю... Потому и не хотѣлъ бы надоѣдать милѣйшему сосѣду Леониду и разсказывать ему еще новую.

Леонидъ. Но Константинъ требуетъ...

Анна. Да, Константинъ требуетъ.

Марсъ. Хорошо, я готовъ исполнить желаніе моего молодого друга. Слушайте-же... Было это совсѣмъ не такъ давно. Въ неизвѣстномъ намъ, но вполнѣ культурномъ государствѣ, жилъ одинъ старый человѣкъ, по имени, если только память мнѣ не измѣняетъ—Гераклидъ, очень образованный и ученый, слывшій за мудреца, такъ что не только умные люди, но и самъ Зевсъ любили вступать съ нимъ въ разговоръ. Вотъ и случилось,

что въ одну изъ такихъ бесѣдъ Гераклидъ, напуганный ужасами происходившей въ то время войны съ сосѣднимъ государствомъ, говоритъ Зевсу: —Несправедливъ ты, могучій богъ! Не всѣ ли люди одинаково созданы тобою? Не всѣ ли они твои дѣти? За что же ты позволяешь имъ увѣчить, мучить и убивать другъ друга и на несчастіи ближнихъ строить свое благополучіе? Вели обоимъ народамъ жить въ мирѣ! Пусть соединятся и выберутъ себѣ царя, который будетъ править ими по закону и совѣсти!. —И ты думаешь, что такимъ образомъ удастся возстановить между враждующими людьми любовь и что всѣ они будутъ счастливы? — спросилъ Зевсъ. — Я увѣренъ,—отвѣчалъ мудрецъ. Зевсъ повелъ своимъ жезломъ, и спорящія стороны примирились. Оба народа соединились и образовали одно государство и выбрали себѣ верховнаго правителя въ лицѣ царя—маститаго старца, убѣленнаго сѣдинами и опытомъ, и къ нему—двѣнадцать соправителей.

Люди радовались миру, цѣловали другъ друга, клялись въ вѣчной любви и, казалось, что жизнь ихъ съ этого времени потечетъ, счастливая и безмятежная...

Но вотъ, нѣсколько времени спустя, случилось, что Гераклидъ проходилъ по улицѣ большого города и замѣтилъ у дома одного именитаго богача,

передъ балкономъ, огромную толпу людей—босыхъ въ оборванныхъ платьяхъ, съ худыми изможденными лицами, съ всклокоченными волосами, съ жадными сверкающими взглядами. Гераклидъ и раньше видѣлъ подобныхъ этимъ людей, но никогда еще они не приковывали къ себѣ въ такой мѣрѣ вниманія мудреца. Народъ казался чѣмъ то взволнованнымъ—кричалъ, жестикулировалъ, грозилъ кулаками... На балконѣ стоялъ знакомый Гераклиду богачъ—розовый, сытый, въ свѣжемъ бѣльѣ и праздничной одеждѣ. Онъ мягкимъ голосомъ уговаривалъ толпу разойтись, но толпа отвѣчала ему грубыми криками. Тогда и его голосъ сталъ громче, увѣщанія перешли въ угрозы... Оборванные люди начали карабкаться по стѣнѣ къ балкону... Богачъ взялъ ружье и выстрѣлилъ. Кровь показалась на бѣлыхъ стѣнахъ дома, на улицѣ, куда упалъ убитый нищій... Гераклидъ подошелъ ближе къ народу и спросилъ:—О чемъ идетъ у васъ споръ? Ради чего угрожаете вы жизни уважаемаго хозяина этого дома и онъ, защищаясь, стрѣляетъ въ васъ?

— Ради куска хлѣба,—отвѣчали ему нѣсколько голосовъ изъ толпы.—Мы голодны, а у него излишекъ всякихъ явствъ и мы требуемъ, чтобы этотъ излишекъ онъ отдалъ намъ.

— И почему ты не хочешь отдать имъ своего излишка?—спросилъ Гераклидъ у богача. Но тотъ

только улыбнулся простымъ словамъ мудреца и отвѣтилъ:—Развѣ я одинъ могу накормить ихъ всѣхъ? Если я отдамъ имъ всѣ свои запасы, то все-таки голодные между ними останутся, я же не только лишусь того необходимаго, къ чему привыкъ съ дѣтства и что лишь этимъ грубымъ людямъ кажется роскошью, но самъ окажусь въ числѣ голодающихъ.

—Зевсъ—воскликнулъ тогда Гераклидъ.—Зевсъ! Я хочу говорить съ тобой!

—Что нужно тебѣ, сынъ мой?—отвѣчалъ тотчасъ же богъ.

—Несправедливъ ты, могучій зиждитель! Не всѣ ли люди одинаково созданы тобой? Не всѣ ли они твои дѣти? За что же одни пользуются всѣми благами жизни, утопаютъ въ нѣгѣ и роскоши, а другіе умираютъ отъ голода? Сдѣлай такъ, чтобы сокровища государства были одинаково распредѣлены между его гражданами, чтобы не было излишка, но не было бы и нужды!

—И ты думаешь—спросилъ Зевсъ—что такимъ образомъ удастся возстановить между враждующими людьми любовь и что всѣ они будутъ счастливы? — Я увѣренъ! — отвѣчалъ мудрецъ. Зевсъ повелъ своимъ жезломъ, и не стало больше въ соединенномъ царствѣ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Всѣ народныя сокровища были собраны въ одну общую казну, откуда и выдавалось каждому

все необходимое. Землю обрабатывали сообща, и доходомъ съ нея пользовались всѣ граждане государства въ равной долѣ.

Казалось, рай наступилъ на землѣ!..

Это было поздно вечеромъ, когда Гераклидъ, возвращаясь изъ лѣса, гдѣ проводилъ долгіе часы въ бесѣдѣ съ природой, проходилъ черезъ небольшой поселокъ. Тамъ, у одного домика увидѣлъ онъ юношу, который сидѣлъ и горько плакалъ.

—О чемъ плачешь ты?—спросилъ его Гераклидъ.

—Я плачу,—отвѣчалъ ему юноша съ отчаяніемъ въ голосѣ,—я плачу оттого, что я безобразенъ, тогда какъ мой сосѣдъ Александръ самый красивый юноша во всей округѣ... Я плачу потому, что не обладаю такимъ чуднымъ музыкальнымъ голосомъ, какимъ обладаетъ Александръ, и не умѣю ѣздить, какъ онъ, верхомъ... И моя возлюбленная Анна, за которую я готовъ отдать все въ мірѣ, любитъ его, а надо мной смѣется. Дѣйствительно, бѣдный отверженный юноша былъ очень некрасивъ; лицо у него было маленькое, похожее на обезьяню мордочку, все въ прыщахъ, съ узенькими отвратительными глазками и чуть замѣтнымъ, вздернутымъ къ верху, носомъ.—Я слышалъ, что Анна потихоньку говорила про меня—продолжалъ онъ изливать свое горе—что я похожъ на чучело, которому придавили носъ... А у Александра орлиный носъ! И слезы горя, отчаянія

и безсильной злобы опять покатились по щекамъ несчастнаго мальчика.

Гераклиду стало его отъ души жалко и, глядя на его безобразное лицо, мудрецъ воскликнулъ: —Зевсъ! Зевсъ! я хочу говорить съ тобой! Зевсъ тотчасъ-же обратилъ къ нему свой слухъ.

— Несправедливъ ты, могучій зиждитель!—сказалъ Гераклидъ.—Не всѣ ли люди одинаково созданы тобою? Не всѣ ли они твои любимыя дѣти? За что-же одни пользуются счастіемъ, пьютъ чашу высшаго наслажденія—наслажденія любви, а другіе отвержены и несчастны ради своего безобразія? За что, напримѣръ, этотъ бѣдный юноша почти совершенно лишенъ носа и не имѣетъ музыкальнаго голоса, тогда какъ его сосѣдъ представляетъ образецъ красоты и талантливости? Сдѣлай такъ, чтобы у всѣхъ людей были одинаковые носы! Чтобы всѣ обладали въ одинаковой мѣрѣ красотой—и физической, и духовной! Чтобы всѣ были одинаково умны, одинаково способны и одинаково ловко умѣли ѣздить верхомъ! Различія не должно быть между твоими сыновьями. Сравняй ихъ такъ, чтобы нельзя было отличить одного отъ другого. Только тогда они будутъ счастливы, а ты можешь назваться, по-истинѣ, справедливымъ!

— Хорошо—сказалъ Зевсъ—изъ уваженія къ твоей мудрости, я исполню и это твое желаніе, несмотря на всю его дѣтскую наивность и несостоя-

тельность; но ты самъ ужаснешься того, что увидишь.

Зевсъ повелъ въ воздухѣ своимъ творческимъ жезломъ и на минуту все помутилось въ глазахъ Гераклида, а потомъ, взглянувъ вокругъ себя и увидавъ небольшую толпу людей, мудрецъ былъ пораженъ совершенно необычайной картиной: люди, всѣ какъ капля воды похожіе другъ на друга, всѣ одинаковаго роста, съ одинаковыми фигурами, лицами, волосами, въ одинаковыхъ одеждахъ, стояли въ одинаковыхъ позахъ и о чемъ то живо разговаривали. Онъ сталъ вслушиваться въ ихъ рѣчь и съ трудомъ разобралъ ее. Оказалось, что всѣ говорили тѣ-же самыя слова, тѣмъ-же голосомъ, съ тѣмъ же выраженіемъ въ лицѣ. Слова сопровождались дѣйствіями, и дѣйствія всѣхъ были тождественны. Если одинъ начиналъ ходить, то сейчасъ же его примѣру слѣдовали и остальные; если одинъ ѣлъ, то и остальные принимались за ѣду; одинъ объяснялся въ чувствахъ, и другіе продѣлывали то же. Работали также всѣ одинаково; ни одинъ не дѣлалъ на волосъ больше или меньше другого. И все у нихъ шло необыкновенно мирно и согласно. Не было ни вражды, ни зависти, потому что каждый обладалъ тѣмъ-же, чѣмъ обладалъ и другой. И всѣ были удовлетворены, потому что у каждаго было все необходимое: достаточное количество ѣды,

достаточно времени для сна, нѣсколько часовъ работы и нѣсколько часовъ одинаковыхъ для всѣхъ развлеченій. Стремиться было не къ чему, нечего было искать. Полное удовлетвореніе жизнью несло, однако, за собой и неизбѣжную косность мысли. Соревнованія не было, не было и желанія обмѣниваться мыслями, потому что стоило какой-нибудь новой мысли зародиться въ головѣ одного изъ группы людей—она немедленно являлась у всѣхъ. И жизнь могла бы протекать вѣками, а удовлетворенное человѣчество стояло бы все на мѣстѣ.

И ужаснулся Гераклидъ.—Но вѣдь это движущіеся манекены!—воскликнулъ онъ.—При такомъ человѣчествѣ—прогрессъ остановится, науки и искусство застрянутъ на мѣстѣ!

— Ты желалъ этого—сказалъ Зевсъ.—Передъ тобою люди, которые всѣ равны между собою, которымъ не зачѣмъ и некому завидовать, нечего искать, нечего, слѣдовательно, и враждовать между собою.

— Но вѣдь это движущіеся манекены, о, великій Зевсъ!—повторилъ Гераклидъ въ отчаяніи.

— Ты желалъ этого, Гераклидъ!—отвѣчалъ богъ.

— О прости мнѣ, Зевсъ!—воскликнулъ тогда Гераклидъ.—Позволь взять неосторожныя слова назадъ Пусть опять явятся въ міръ и война, и междоусобица, и вражда, и кровопролитіе, только бы человѣкъ двигался впередъ по той великой лѣст-

ницѣ, которая ведетъ его къ твоей высотѣ, могучій зиждитель! Прости безумному!

Изъ уваженія къ мудрецу и изъ любви къ человѣчеству, Зевсъ снова повелъ своимъ жезломъ, и оба царства опять наполнились разнообразными людьми съ разнообразными мыслями, чувствами и страстями и явились снова и вражда, и дружба, и любовь, и ненависть, и война, и миръ. И, благодаря вѣковой борьбѣ злого и добраго, сильнаго и слабаго, даровитаго и бездарнаго, изъ обыденной толпы людей выходили титаны, которые на цѣлую голову поднимались надъ толпой и двигали человѣчество по пути прогресса и познанія къ его высшему идеалу—божеству.

Константинъ. По пути прогресса и познанія... Ты слышишь, отецъ? Время отъ времени движеніе массъ необходимо, общій застой долженъ быть иногда нарушаемъ, старые устои поколеблены, города срыты и сравнены съ землей для того, чтобы на обломкахъ и только на обломкахъ старой культуры каждый разъ создавалась новая, все болѣе и болѣе совершенная. Да здравствуетъ война!

Въ окно слышенъ призывный военный маршъ.

Марсъ у котораго глаза вспыхиваютъ. Это призывный маршъ! Полки сейчасъ двинутся.

Константинъ. Пора, значитъ, и мнѣ!.. До свиданія, мать! Протягиваетъ Аннѣ руки.

Анна бросается Константину на шею. До свиданія, мой дорогой, мой возлюбленный! Громко плачетъ.

Константинъ подходя къ отцу. До свиданія, отецъ.

Леонидъ молча глядитъ нѣсколько времени на Константина съ укоризной, потомъ слезы появляются у него на глазахъ. Прощай, Константинъ. Падаетъ ему на грудь и громко рыдаетъ. Анна плачетъ. Музыка приближается и дѣлается все громче.

Константинъ Леониду. Ты говоришь „прощай", какъ будто готовишься меня потерять. Но ты смѣешься, отецъ! Развѣ я могу умереть въ началѣ первой войны, въ первыхъ сраженіяхъ? Годы, десятки лѣтъ войны и сотни... тысячи лавровыхъ вѣнковъ, а потомъ, только потомъ смерть...

Музыка совсѣмъ близко. Шеренги войскъ проходятъ передъ окнами.

Голосъ командира слышенъ въ окно. Старшій—Константинъ!

Константинъ открывая дверь. Здѣсь, командиръ!

Выходитъ изъ двери, присоединяется къ войску; за нимъ какъ бы тѣнью — Марсъ. Проходятъ съ войсками передъ окнами... Музыка и шумъ проходящихъ войскъ понемногу отдаляются, дѣлаясь все тише и тише. Старики долго смотрятъ молча другъ на друга. Музыка умолкаетъ.

ПЯТАЯ КАРТИНА.

Въ странѣ «родныхъ». Декорація первой картины. Рѣка, дубъ, деревья въ саду, колосья, стогъ.

Рѣка **течетъ съ тихимъ, заунывнымъ журчаніемъ, напоминающимъ плачъ.**

Дубъ **шумитъ своей верхушкой; шумъ переходитъ въ слова.** Что ты сегодня напѣваешь такую грустную мелодію, сосѣдка? Еще недавно твое журчаніе было такъ беззаботно и весело?

Рѣка **журчаніе которой также переходитъ въ слова; голосъ ея мягче и музыкальнѣе дуба.** Съ верхнихъ береговъ я несу съ собой стоны погибающихъ въ ожесточенной борьбѣ людей. Потоки невинной человѣческой крови омрачили мою чистую воду.

Дубъ. Тамъ опять война...

Колосья **тихо, едва слышно шумятъ.** Что такое война?

Деревья въ саду **болѣе громко, шумя листьями.** Ты говоришъ опять война? Но вѣдь войны не было здѣсь съ самаго нашего появленія. Мы слы-

шали о ней только по преданію, изъ разсказовъ стараго садовника Николая.

Дубъ. А давно-ли вы здѣсь появились? Да и вообще, давно ли вы живете на свѣтѣ? Я помню, какъ васъ привезъ сюда Николай лѣтъ двадцать тому назадъ, поздней осенью... маленькія, тоненькія, ощипанныя... Я помню, какъ посадили васъ здѣсь и какъ вы дрожали первую зиму отъ холода, какъ сердитый вѣтеръ издѣвался надъ вами и качалъ ваши тоненькіе стволы... Вамъ было три, четыре года отъ роду. Мнѣ было жаль васъ, и я, какъ могъ, растопыривалъ свои широкія вѣтви, чтобы хоть нѣсколько защитить васъ отъ страшныхъ порывовъ холоднаго вѣтра.

Рѣка грустно. До васъ здѣсь были тоже деревья... Такіе же роскошные плоды украшали ихъ вѣтки.

Дубъ. Страшная участь постигла ихъ... Въ такую же ясную, тихую ночь пришли чужіе люди, съ саблями и ружьями, взяли топоры и безжалостно срубили молодые, сочные стволы. Какъ плакала ихъ нѣжная мягкая древесина!.. Какъ не хотѣли они умирать!..

Рѣка журчитъ, точно плачетъ. Грустно шумятъ деревья.

Дубъ. Ихъ разрубили на дрова, сложили въ большія кучи и зажгли. Но и горѣли они плохо, потому что были слишкомъ свѣжи... Да и недолго отдыхали здѣсь ихъ палачи. Пришла другая во-

оруженная банда людей, прогнала первую и сама побѣжала ей вдогонку. Такъ погибла масса жизней—безсмысленно, безцѣльно, не принеся никому пользы, не оставивъ по себѣ слѣда...

Рѣка журчитъ, точно плачетъ. Грустно шумятъ деревья.

Дубъ. А если бы они продолжали жить—какое множество роскошныхъ плодовъ подарили бы они людямъ!

Рѣка журчитъ, точно плачетъ. Грустно шумятъ деревья.

Рѣка. Помнишь, эти люди хотѣли подкопаться и подъ твой стволъ, и его они хотѣли срубить?

Дубъ. Да, но ихъ жалкіе топоры иступились о мой могучій тысячелѣтній стволъ, не повредивъ даже его коры.

Колосья хоромъ, жалобно. Какъ хорошо быть такимъ сильнымъ! Какъ мы безпомощны!

Стогъ. Какъ хорошо быть сильнымъ!

Рѣка. Бѣдные колосья! Вы погибнете первые. Тамъ, у моихъ истоковъ, тысячи вашихъ братьевъ погибаютъ. Ихъ топчутъ лошади, ихъ мнутъ люди. На ихъ стоны никто не обращаетъ вниманія.

Колосья хоромъ, жалобно. Какъ мы безпомощны!..

Рѣка журчитъ, точно плачетъ. Грустно шумятъ деревья, нива волнуется и колосья чуть слышно шумятъ.

Колосья. Милые братья, сплотимся крѣпче, можетъ быть, намъ и удастся противостать врагу.

Рѣка. Жалкія былинки, вы погибнете! Что значатъ ваши усилія, что можетъ помочь вамъ ваша сплоченность? Вы погибнете первые; у моихъ истоковъ тысячи вашихъ братьевъ погибаютъ. Ихъ топчутъ лошади, ихъ мнутъ люди...

Колосья. Какъ мы безпомощны!..

Стогъ. Какъ хорошо быть большимъ и сильнымъ!

Рѣка. Что значатъ твои величина и сила? Тебя сожгутъ, какъ факелъ, чтобы сѣно не досталось врагамъ.

Дубъ *шумитъ своею верхушкою.* Тебя сожгутъ!..

Деревья въ саду. Тебя сожгутъ!..

Рѣка. Тебя сожгутъ!..

Колосья *тихо.* Тебя сожгутъ!..

Стогъ. Меня сожгутъ...

Рѣка журчитъ, точно стонетъ. Грустно шумитъ дубъ, грустно шумятъ деревья. Нива волнуется и колосья шелестятъ. Изъ двери дома появляется Дмитрій, а за нимъ Марія. Страшныя рыданія Маріи, которая, выйдя изъ дома, бросается на грудь Дмитрія, долго звучатъ въ воздухѣ, сливаясь въ одну, душу потрясающую, мелодію съ журчаніемъ рѣки, шумомъ деревьевъ и шелестомъ колосьевъ.

Марія прерывающимся отъ слабѣющихъ рыданій голосомъ. Прощай, прощай!.. Навсегда... навѣки... Тебя убьютъ...

Дмитрій лаская ее. Тише, тише, Марія!.. Моя жена!..

Марія. Мой мужъ!.. Послѣ паузы. Какъ коротка, какъ безжалостно коротка была наша весна!

Дмитрій беря ее за руку. Сядемъ немного здѣсь... Указываетъ на скамейку. Садятся. Еще есть время... Вспомнимъ прошлое, какъ мы женихомъ и невѣстой сидѣли здѣсь по цѣлымъ ночамъ.

Марія со слезами. Дмитрій, Дмитрій!.. Обнимаетъ его обѣими руками, плачетъ, цѣлуетъ. Послѣ паузы, вдругъ спохватившись. Но, слушай, ты будь безжалостенъ на войнѣ! Не отдавай дешево своей жизни... Если они разоряютъ и губятъ насъ—будемъ и мы безпощадны. Убивай! Убивай больше! Не щади! Главное, не щади врага. О, если-бъ я была мужчиною, какъ бы я отомстила за свое несчастіе!

Дмитрій. Марія! Но вѣдь наши враги тоже люди...

Марія. Люди?! А какое намъ до этого дѣло? Разъ они бьютъ насъ, разоряютъ наши дома, отнимаютъ у насъ мужей и братьевъ—мы должны забыть всякое чувство!

Дмитрій какъ бы задумываясь. Да... да... ты права... Но это ужасно! Вѣдь два-три мѣсяца тому

назадъ они не думали объ войнѣ! Они и сейчасъ ея не хотятъ.

Марія. И мы не хотимъ войны.

Дмитрій. А все-таки идемъ въ бой и уродуемъ, и убиваемъ другъ друга и проливаемъ невинную кровь... Зачѣмъ? Къ чему?

Марія. Это—воля народа.

Дмитрій съ негодованіемъ. Народа? Да, стада. Стадо лѣзетъ впередъ на красный цвѣтъ! На запахъ крови! Стадо! Безумное, жестокое стадо, а не отдѣльный человѣкъ. Вотъ оно! Показываетъ вдаль, гдѣ собираются въ массу отдѣльные жители поселка. Вотъ и я пойду туда, и только что сидѣвшій здѣсь свободный, гуманный и мыслящій человѣкъ—тамъ, въ толпѣ, я превращусь въ звѣря, тупого и разъяреннаго, лишеннаго собственной иниціативы, дѣйствующаго по волѣ стада... Поднимается со скамейки. Съ жаромъ. Когда, наконецъ, человѣчество отдѣлается отъ чувства стадности! Если бы хоть знать, что наши дѣти, что вотъ этотъ мой ребенокъ, который движется подъ твоей грудью, онъ кладетъ руку ей на животъ ...слышишь, слышишь, какъ живо онъ бьется тамъ? Когда это онъ появится на свѣтъ? На пятомъ мѣсяцѣ нашей свадьбы... Немного рано! Смѣется.

Марія застѣнчиво улыбается. На шестомъ!..

Дмитрій. Чтобъ хоть знать, что онъ будетъ полнымъ господиномъ своихъ поступковъ! Что

никакіе грубые инстинкты толпы не коснутся его, что онъ свѣжимъ и чистымъ сохранится для тихаго созерцанія красотъ міра, для высокихъ цѣлей науки, для собственнаго усовершенствованія... Ну тогда бы я легче шелъ на бойню!

Марія вздыхая. Будущее будетъ свѣтлѣе, отраднѣе настоящаго. Но теперь не время разсуждать, надо дѣйствовать.

Дмитрій задумчиво. Да... Послѣ паузы. Быстро оправляется. Прощай же, Марія!

Марія съ чувствомъ. Дмитрій!..

Дмитрій съ жаромъ цѣлуетъ ее. Ты будешь тутъ одна... безъ меня... Старайся все-таки беречь себя... Ради... ради будущаго ребенка... Если бы, чего, конечно... что почти невозможно, враги проникли сюда—держи себя осторожнѣе... Покорись, лучше...

Марія вспыхнувъ. Ну ужъ это мое дѣло! Да, впрочемъ, враги никогда не проникнутъ къ намъ. Вы были бы трусами, если бы пустили ихъ сюда. Ты даже не долженъ думать объ этомъ.

Дмитрій. Конечно, конечно... Обнимаетъ ее.

Марія. Прощай же, дорогой, милый! Цѣлуются.

Дмитрій. Ну, вотъ такъ! Поцѣлуй, поцѣлуй еще... Посмотри мнѣ въ глаза... Пристально смотритъ на нее. Еще! Еще!.. Твой взглядъ будетъ мнѣ опорой на войнѣ... Онъ придастъ мнѣ мужество... Въ страшныя минуты мнѣ будетъ казаться, что эти

милые, сѣрые глаза смотрятъ на меня и, подъ ихъ взглядомъ, и я буду неустрашимъ и безпощаденъ.

Марія плачетъ. Дмитрій, Дмитрій! Цѣлуются долго, долго. Выходитъ изъ дома братъ Маріи, Иванъ.

Дмитрій. Иванъ! Будь здоровъ.

Иванъ бросается на шею Дмитрію и нѣсколько времени они остаются другъ у друга въ объятіяхъ. Оба громко рыдаютъ. Марія плачетъ. Рѣка журчитъ, точно плачетъ. Деревья грустно шумятъ, тихо волнуются колосья.

Дмитрій. Береги сестру!.. Умоляю тебя, береги ее!

Иванъ. Будь спокоенъ. Дерись только тамъ храбро, а здѣсь... Марію никто не тронетъ, развѣ, если перешагнетъ черезъ мой трупъ!

Вдали толпа все увеличивается. Слышенъ шумъ голосовъ, доносятся рыданья. Тамъ собрались мужчины, женщины, дѣти.

Дмитрій. Спасибо! Цѣлуетъ его еще разъ, потомъ цѣлуется съ Маріею. Ну, пора итти... Вы проводите меня?

Иванъ. Идемъ.

Всѣ трое идутъ туда, гдѣ собрался народъ и гдѣ уходящіе прощаются съ остающимися. Они подходятъ къ нимъ. Понемногу мужчины отдѣляются отъ женщинъ и дѣтей и медленно скрываются.

Рыданія остающихся женщинъ сливаются съ журчаніемъ рѣки, протяжнымъ шумомъ деревьевъ и легкимъ шорохомъ колосьевъ подъ тихій, унылый аккомпаниментъ музыки. Это длится нѣсколько времени. Женщины начинаютъ медленно расходиться по домамъ.

ШЕСТАЯ КАРТИНА.

Въ лагерѣ «чужихъ». Поле. Раскинутыя палатки. Старшіе, младшіе—сидятъ, ходятъ, играютъ въ кости. Съ правой стороны сцены небольшой столикъ, покрытый сукномъ. За столикомъ сидятъ три старшихъ, избранные военными судьями. Одинъ изъ судей—Константинъ. Передъ ними, со связанными назадъ руками, стоитъ дезертиръ Николай—молодой безусый человѣкъ съ нѣжнымъ, женственнымъ и красивымъ лицомъ.

Предсѣдатель сидитъ между двумя другими судьями. Подсудимому. Вы обвиняетесь въ томъ, что вчера вечеромъ, въ самый разгаръ сраженія съ „родными“, бѣжали съ поля битвы. Признаете-ли себя виновнымъ въ бѣгствѣ?

Николай молчитъ.

Предсѣдатель. Что-же вы молчите? Я спрашиваю васъ — признаете-ли вы себя виновнымъ въ позорномъ бѣгствѣ съ поля сраженія?

Николай потупивъ голову, тихо. Я испугался... Когда пули засвистали и выстрѣлы полетѣли прямо въ меня... я не могъ...

Константинъ насмѣшливо улыбается.

Николай. Я—не измѣнникъ... но я не могъ...

Предсѣдатель. Причины вашего бѣгства намъ неинтересны. Прошу васъ отвѣтить прямо на мой вопросъ: признаете-ли вы себя виновнымъ, что покинули поле битвы во время сраженія?

Николай *тихо*. Признаю...

Предсѣдатель *судьямъ*. Преступникъ самъ сознался... Свидѣтелей можно не допрашивать?

Константинъ. Разумѣется. Только тормозить развязку.

Предсѣдатель *Константину*. Ваше мнѣніе?

Константинъ. Преступленіе предусмотрѣно статьей девятнадцатой закона, такъ же, какъ и наказаніе, которое оно влечетъ за собой.

Второй судья. Мнѣ кажется, что, въ виду молодости лѣтъ обвиняемаго, слѣдуетъ замѣнить смертную казнь...

Предсѣдатель. Какимъ-нибудь временнымъ наказаніемъ?

Константинъ. Это немыслимо! Какой-же мы примѣръ подадимъ другимъ воинамъ? Если мы будемъ поощрять открытое бѣгство съ поля сраженія—то ужъ лучше безъ боя отдать свои земли врагамъ.

Второй судья. Но вѣдь бѣглецъ-то еще мальчикъ, полуребенокъ... Жалко, все-таки!

Константинъ *съ презрѣніемъ*. Какая можетъ быть жалость къ дезертиру? Дезертиръ или зачумленная собака—это одно и то же. И то и другое

нужно выбросить за бортъ. Да и о чемъ тутъ разсуждать, когда статья закона прямо говоритъ?..

Предсѣдатель съ грустью, прикрываемой нѣкоторой строгостью и холодностью. Да, статья закона прямо говоритъ: „Воинъ, бѣжавшій съ поля сраженія, подлежитъ разстрѣлу.“ Наклоняется надъ бумагой, пишетъ приговоръ, даетъ подписать судьямъ, которые молча его подписываютъ. Встаетъ. Судьи встаютъ. Читаетъ громко. Согласно мудрымъ и справедливымъ законамъ славной страны „чужихъ“—судъ, безпристрастный и скорый, въ составѣ трехъ, избранныхъ народомъ очередныхъ военныхъ судей, постановилъ: по зорно бѣжавшаго съ поля битвы воина Николая—раз-стрѣ-лять.

Николай сначала тихо, потомъ громко рыдаетъ.

Константинъ беретъ приговоръ изъ рукъ предсѣдателя и передаетъ его подошедшему старшему. Привести немедленно въ исполненіе. Старшій кланяется, беретъ приговоръ и уходитъ.

Второй судья. Какъ вы, однако, жестоки!

Константинъ. Воинъ не долженъ быть мягокъ. Да и преступникъ ничего не пострадаетъ отъ быстроты казни: меньше слезъ...

Предсѣдатель и судьи уходятъ. Остается Николай съ двумя воинами. Пауза. Слышится бравурная военная музыка. На сценѣ появляется группа воиновъ во главѣ со старшимъ, тѣмъ самымъ, которому Константинъ передалъ приговоръ.

Старшій командуетъ. Направо! Стать въ рядъ! Одному изъ воиновъ, вполголоса. Привязать къ дереву такъ, чтобы не барахтался. Командуетъ. Стройся!

Воинъ, получившій приказаніе отъ старшаго, съ двумя другими берутъ Николая, подводятъ его къ дереву и уже хотятъ привязывать, какъ вдругъ Николай, бывшій все время какъ въ столбнякѣ, вырывается изъ ихъ рукъ. Музыка замолкаетъ.

Николай. Постойте! Постойте одну минутку!.. Всякій, даже самый ужасный преступникъ имѣетъ право передъ смертью требовать, чтобы исполнили какое-нибудь изъ его желаній. Тѣмъ болѣе это право должно быть предоставлено мнѣ, потому что я даже не преступникъ и меня приговорили къ казни именно за то, что я не хотѣлъ, не могъ быть преступникомъ...

Старшій. Хорошо. Говори, что тебѣ угодно?

Николай. Я прошу только объ одномъ—выслушать меня! Я не знаю тебя и мнѣ все равно, кто ты, поймешь-ли ты меня или нѣтъ — но ты дашь мнѣ слово, что разскажешь гласно, быть можетъ, печатно, то, что я тебѣ скажу. Я хочу, чтобы общество поняло, что оно не право, тысячу разъ не право, осуждая на смерть людей за то, что они больны, что у нихъ чуткіе, слабые нервы, что, имѣя за собой цѣлыя поколѣнія развитыхъ

людей, взгляды которыхъ съ каждымъ годомъ становились мягче и культурнѣе, въ которыхъ открыто заговорили чувства гуманизма, любви и справедливости—что люди эти не могутъ перенести удушливаго запаха бойни, не могутъ производить грубаго насилія... боятся его...

Старшій *музыкантамъ.* Играй!.. Солдаты, готовящіеся итти въ бой, не должны слышать такихъ словъ. *Николаю.* Я слушаю.

Музыка громко играетъ бравурный военный маршъ.

Николай. Я родился въ большомъ городѣ, на берегу холоднаго моря, гдѣ вѣчно дуетъ вѣтеръ, гдѣ сырость и туманъ разоряютъ здоровье и портятъ настроеніе, гдѣ у слабыхъ и нервныхъ родителей родятся худосочныя и истеричныя дѣти. И все-таки, не глядя на это, тамъ, на ряду съ произволомъ и безстыдной роскошью, широко царствуетъ мысль и нравственный прогрессъ, и дикіе инстинкты человѣка-животнаго подчинены гуманному чувству и разуму.

Мысль—тихая, свѣтлая и глубокая, царила и въ нашей семьѣ. Никакихъ грубыхъ побужденій, никакихъ эгоистическихъ желаній. Безпредѣльная доброта, любовь, снисхожденіе... Меня нѣжили и лелѣяли. Меня оберегали отъ каждаго холоднаго дуновенія, отъ каждаго рѣзкаго звука, яркаго луча... Моя комната была уставлена красивыми

предметами, которые гармонировали между собою. Тихими шагами, по вечерамъ, ходилъ по ней отецъ—далекій міру, съ кроткимъ и вдохновеннымъ взоромъ, устремленнымъ куда-то въ неопредѣленную даль, гдѣ, казалось, онъ различалъ въ сѣромъ туманѣ жизни загорающійся огонекъ, маякъ добра и мысли... Мать пѣла мнѣ пѣснь о всесвѣтной любви... Всѣми воспаленными нервами, всѣмъ облагороженнымъ вѣковой наслѣдственной культурой существомъ воспринялъ я эту мелодію. Я потомъ постоянно слышалъ ее въ первые годы въ школѣ—чарующую, свободную—и съ трудомъ свыкался съ однообразнымъ казеннымъ строемъ ученической жизни, съ сѣрымъ платьемъ учениковъ изъ жесткаго сукна и золотыми пуговицами учителей, старавшихся втиснуть нашу жизнь въ одну узкую рамку, подогнать наши маленькія существа съ разными индивидуальностями, съ разными способностями, предъявлявшія разныя требованія къ жизни—подъ одну мѣрку. Я не могъ подойти подъ эту общую мѣрку, казенная обстановка меня пугала. Я не спалъ по ночамъ, у меня начались галлюцинаціи, и родители взяли меня изъ школы. Подъ милымъ кровомъ отчаго дома я опять разцвѣлъ и поздоровѣлъ. Отецъ самъ занимался моимъ развитіемъ... О эти незабвенные уроки-бесѣды! Какіе горизонты, какія широты познанія открывались передо мной! Простите, можетъ я разска-

зываю слишкомъ подробно; такъ передъ смертью не говорятъ; но вѣдь это въ послѣдній разъ я говорю... Черезъ нѣсколько минутъ я... я буду трупомъ. За что? За что, когда я хочу жить, когда я только что началъ дышать свободно, окрѣпъ, почувствовалъ въ себѣ мужество и силу?

Но я отдалился отъ своего разсказа. Гдѣ это я? Да, гдѣ это я остановился? Отецъ... Да, подъ кровомъ отца я поправился и потомъ меня отдали опять въ школу. И опять я не выдержалъ школьнаго строя и опять вернулся домой. И, ставши юношей, не имѣя правъ на освобожденіе, я долженъ былъ отбывать свою службу обществу въ качествѣ простого воина,—здоровый тѣломъ, больной душой. Цѣлый годъ я былъ мученикомъ: я велъ отчаянную борьбу со своими слабыми нервами, напрягалъ свою волю до крайности, заставляя себя переносить тяжелую, безпросвѣтную и бѣдную мыслью жизнь воина. И кое-какъ я успѣвалъ, и былъ не на худшемъ счету. Но здѣсь, когда я услышалъ шумъ орудій, когда засвистѣли вокругъ меня пули и, наконецъ, я увидѣлъ надвигающихся на меня людей со страшными, искаженными злобой и ненавистью лицами... штыки... я не выдержалъ—я отступилъ... Мое отступленіе видѣли, да я и не старался бѣжать незамѣтно. Мнѣ было все равно, поймаютъ меня или нѣтъ; я объ этомъ даже не думалъ, только бы не оста-

ваться тамъ, на полѣ... Можетъ быть, теперь, побывавши въ бою, я бы не пустился въ бѣгство, но вчера... вчера былъ мой первый боевой день. Теперь бы я не отступилъ: я далъ бы себя спокойно убить врагу. Но самъ... самъ все-таки я бы не могъ убивать. Пусть убиваютъ тѣ, кто можетъ, а намъ, слабымъ людямъ, дайте другое дѣло, которое мы могли бы съ пользой исполнять для общества. Я люблю свое отечество. Я готовъ работать для него въ потѣ лица день и ночь. Скажите это всѣмъ. Скажите стоящимъ у кормила правленія, что по рѣшенію ихъ несправедливаго, ихъ безумнаго суда невинно гибнетъ человѣкъ, который ничего не замышлялъ противъ родины, который страстно любитъ ее и который, кто знаетъ, можетъ быть совершилъ бы для нея подвигъ!

Музыка умолкаетъ.

Старшій. Все, что вы сказали, будетъ предано гласности; моя честь вамъ ручается за это... А теперь пойдемте. Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дереву.

Николай подойдя къ дереву — блѣдный, ужасный, дрожащимъ истерическимъ голосомъ. Но я не хочу, не хочу умирать! Кричитъ. Не хочу!..

Старшій дѣлаетъ знакъ воинамъ. Николая схватываютъ нѣсколько человѣкъ и привязываютъ къ дереву. Такъ

Николай. Оставьте меня! Оставьте меня! Бьется. Ему надѣваютъ повязку на глаза. Воины отходятъ въ сторону, становятся въ рядъ, поднимаютъ ружья. Слушайте! Скажите, когда вы будете стрѣлять... Ну? Говорите... Стрѣляйте!.. Старшій дѣлаетъ рукою знакъ воинамъ. Да? Стрѣля...

Раздается залпъ, и, одновременно, музыка играетъ военный бравурный маршъ, подъ звуки котораго медленно опускается занавѣсъ.

СЕДЬМАЯ КАРТИНА.

Декорація первой картины перваго акта, въ странѣ «родныхъ». На первомъ планѣ, на ржаномъ полѣ, войско «чужихъ» расположено въ стройномъ порядкѣ, готовое къ битвѣ. Съ правой стороны сцены нѣсколько пушекъ, позади которыхъ стоятъ главный военачальникъ и его помощники. Напротивъ войска «чужихъ», въ задней части сцены—войско «родныхъ», расположенное въ томъ-же боевомъ порядкѣ.

Константинъ появляется на лошади между войсками, подъѣзжаетъ къ главному военачальнику, докладываетъ. Все готово Войска выстроены и ожидаютъ твоего приказанія начать пальбу.

Главный начальникъ. Хорошо. Прикажи начинать.

Константинъ отъѣзжаетъ.

Спустя нѣкоторое время начинается пальба. Страшный огонь направляется на «чужихъ»; они сначала отвѣчаютъ тѣмъ-же, но потомъ въ рядахъ ихъ начинаетъ замѣчаться нѣкоторое колебаніе. Нѣсколько человѣкъ падаютъ раненые, въ томъ числѣ главный начальникъ. За нимъ одинъ изъ его помощниковъ, стоявшихъ рядомъ съ нимъ. Второй помощникъ принимаетъ команду.

Второй помощникъ съ саблей вверхъ. Не отступать, куда?

Константинъ подъѣзжаетъ къ нему. Непріятель наступаетъ съ страшной силой... Наши войска колеблются.

Второй помощникъ. Не отступать! вызвать резервъ! Падаетъ раненый.

Войска «родныхъ» наступаютъ; среди «чужихъ» паника, и они бѣгутъ. Въ это время—около Константина, на минуту поддавшагося общему теченію, появляется Марсъ въ полномъ ратномъ вооруженіи: со шлемомъ и въ латахъ—сильно помолодѣвшій, съ вдохновеннымъ лицомъ и налитыми кровью глазами. Тонкія ноздри расширены; онъ упивается запахомъ крови. Войска «чужихъ» бѣгутъ; за ними вдали «родные». Константинъ и Марсъ врываются въ ряды своихъ войскъ.

Константинъ. Назадъ, безумные! Назадъ! Возстановить линіи! Смерть трусамъ! Смерть измѣнникамъ! «Чужіе» останавливаются. Константинъ стрѣляетъ въ одного изъ бѣглецовъ и убиваетъ его. Смерть тебѣ! Вырывается впередъ, за нимъ ободренное войско Ура! За мной!

Начинается рѣзня. Константинъ поспѣваетъ вездѣ, сѣчетъ, рѣжетъ; рядомъ съ нимъ Марсъ, который не отступаетъ ни на шагъ отъ Константина и отражаетъ длиннымъ сверкающимъ мечомъ направляемые на него удары враговъ.

Константинъ несется впереди. Впередъ — за мной!

Войска «родныхъ» обращаются въ бѣгство. «Чужіе» прогоняютъ ихъ къ рѣкѣ. Изъ дома Александра боязливо выходятъ Марія и Иванъ.

Иванъ съ отчаяніемъ. Погибли! Погибли! Наши войска бѣгутъ!

Марія въ дверяхъ, рыдаетъ. Несчастные мы, несчастные! Что мы будемъ дѣлать?

Иванъ сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ и глядя вслѣдъ уходящимъ войскамъ. Вотъ, смотри... „Чужіе" тѣснятъ нашихъ къ рѣкѣ... Наши бросаются вплавь... „Чужіе" за ними... Нѣтъ, кажется...

Марія становясь около Ивана. Нѣтъ, конечно. Видишь, большая часть нашихъ на противоположномъ берегу, нѣкоторые еще плывутъ... Непріятель остался на нашемъ берегу.

Первый раненый съ подстрѣленными ногами, приподнимаетъ туловище. Что? Непріятель? Гдѣ непріятель? Кто тутъ говоритъ?

Марія. Ахъ, Иванъ, смотри! Подходитъ къ раненому. Это мы,—„родные".

Первый раненый. Кто побѣдилъ? Мы, кажется, прогнали „чужихъ"? Ой! ой! Корчится отъ боли, хватается за ноги, потомъ за голову и опять падаетъ на землю.

Марія. Несчастный человѣкъ! Надо хоть воды ему принести.

Иванъ подошедшій ко второму раненому. Дай сюда воды! Скорѣй!..

Второй раненый. Ой! ой! Голову, голову схвати! Иванъ беретъ его голову руками. Крѣпче, крѣпче... ой!.. Анна! Гдѣ ты? Анна... Ивану. Крѣпче, крѣпче сжимай голову!.. Гдѣ ты, золотая, дорогая Анна, моя горячо любимая, моя... Я падаю... пада... Бр... Стряхивается, умираетъ.

Иванъ тихо. Умеръ...

Марія подноситъ первому раненому воду. Пейте!

Александръ появляется съ правой стороны сцены— похудѣвшій, осунувшійся. Лицо и фигура изображаютъ страшное горе и уныніе. Несчастные мы! Несчастные!

Марія ласково. Отецъ мой... мой бѣдный старикъ!

Александръ. Да, старикъ... старикъ и больной старикъ. Эхъ, кабы я не былъ старикомъ, показалъ бы я имъ!.. Долго бы они помнили Александра!.. Да я бы и не допустилъ ихъ никогда сюда. Послѣ паузы. Это все еще только цвѣточки показываетъ на поле, гдѣ была битва, на стоптанную рожь, а ягодки впереди. Сейчасъ они вернутся сюда и начнутъ разорять все, начнутъ рубить деревья, полѣзутъ въ подвалы... напьются вина... Я помню, сорокъ лѣтъ тому назадъ, тутъ ни одна женщина... Содрогается. О, упаси насъ судьба, чтобы повторилось то, что было сорокъ лѣтъ тому назадъ!

Марія. Теперь нравы стали мягче, отецъ.

Александръ Нравы мягче? Вздоръ! Какъ

ни будь человѣкъ культуренъ, а звѣрь въ немъ сидитъ всегда и, стоитъ этому звѣрю почуять кровь, онъ неумолимъ.

Иванъ который слѣдитъ за движеніемъ войскъ. Нашихъ прогнали за рѣку. Все войско „чужихъ“ поворачиваетъ сюда.

Александръ съ горестью. Пропало, пропало все, нажитое тяжелой работой въ теченіе сорока лѣтъ!

Марія плачетъ. Пауза.

Третій раненый вскрикиваетъ. Ай!.. Ай!..

Александръ. Гдѣ это?

Раненый. Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!.. Приподнимается съ земли.

Александръ подходитъ къ раненому. „Чужой“? Куда раненъ? Склоняется надъ нимъ.

Раненый какъ бы въ забытьѣ. Константинъ... Константинъ... Что это за человѣкъ, который сумѣлъ однимъ словомъ вернуть ослабѣвшему войску мужество?

Александръ. Про кого говоришь ты, бѣдный „чужой“?

Раненый. О комъ я говорю? Ай! Ай!.. Помоги мнѣ встать, старикъ. Мнѣ больно вотъ здѣсь... въ животѣ...

Александръ помогаетъ ему привстать.

Раненый. Ты не знаешь Константина... Если бы не онъ, я, можетъ, вернулся бы невредимымъ

домой, къ женѣ, къ дѣтямъ... Наше войско начало отступать, но онъ воодушевилъ его. Его глаза горѣли такимъ страстнымъ огнемъ... Я первый повернулъ за нимъ, первый ринулся въ схватку и... и вотъ *показываетъ на животъ* разрывная пуля... Ой! ой! *Корчится и кричитъ отъ боли.*

Александръ. Кто же этотъ Константинъ? Вашъ главный начальникъ, что-ли? Старый, опытный воинъ?

Раненый. Это—юноша, это—полумладенецъ. Онъ, говорятъ, ребенкомъ былъ принесенъ къ намъ изъ страны „родныхъ" какимъ-то нищимъ-старикомъ. Его пріютили одни наши богатые граждане. Съ самаго дѣтства онъ только и говорилъ и грезилъ о войнѣ. Ай-ай! Не могу больше говорить... болитъ... тутъ болитъ *показываетъ на животъ*, рветъ... прокалываетъ насквозь...

Александръ. Разсказывай, разсказывай!

Раненый. Что это я? О чемъ это я? Константинъ. Да, о Константинѣ. Да, такъ вотъ онъ...

Александръ. Только и думалъ, и грезилъ о войнѣ...

Раненый. Да. Онъ любилъ мечту о войнѣ, какъ другіе юноши любятъ мечту о невѣстѣ. И онъ нетерпѣливо ожидалъ войны... И вотъ время пришло. Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! *Хватается за животъ. Послѣ паузы, быстро.* Нашего главнокомандующаго убили, потомъ его помощника, потомъ другого

помощника — всѣхъ подрядъ, въ теченіе десяти, пятнадцати минутъ... Войска растерялись, стали отступать... Тутъ Константинъ... Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! Умираю! Умираю!.. Катается по землѣ отъ боли, въ страшныхъ корчахъ.

Александръ когда раненый немного оправился. Я знаю, онъ вернулъ войска къ порядку. Скажи мнѣ скорѣй, „чужой“,—какъ выглядываетъ этотъ отважный юноша? Брюнетъ онъ или блондинъ?

Раненый едва слышно. Брюнетъ.

Александръ. А глаза? Какіе у него глаза?

Раненый тупо глядя на Александра. Ай-ай-ай! Ай ай-ай! Глаза... глаза... говоришь ты?

Александръ. Да, да. Какіе у него глаза?

Раненый. Глаза... ай-ай-ай! темно-синіе, большіе.

Александръ вскрикиваетъ. Это онъ! Онъ! О проклятье!

Раненый немного оправившись. Говорятъ, ему во всемъ помогаетъ какой-то странный человѣкъ, воинъ... Въ битвѣ онъ скачетъ передъ Константиномъ на бѣломъ конѣ и отражаетъ отъ него непріятельскіе удары. Этотъ человѣкъ, будто-бы, тотъ самый старикъ, по имени Марсъ, сосѣдъ по дому пріемныхъ родителей Константина, который далъ Константину первоначальное образованіе и теперь постоянно имъ занимается... Но это невѣрно, потому что воинъ на бѣломъ конѣ — мо-

лодъ, а сосѣдъ Леонида—старикъ. Еще... ай-ай-ай! Хватается за животъ. Быстро. Народъ говоритъ, что и чудесный воинъ, помогающій Константину на войнѣ, и старикъ-учитель его, и тотъ нищій, кото... кото... дѣлаетъ надъ собой страшное усиліе который укралъ его въ странѣ „родныхъ"... Ай! ай! ай! Катается по землѣ отъ боли. Рветъ меня, рветъ проклятая пуля... Ай! Ай! Тяжело дышетъ и старикъ нищій, который укралъ его въ странѣ „родныхъ" и принесъ его въ нашу сторону — это одно лицо.

Александръ тихо. Проклятье! Проклятье!

Иванъ. „Чужіе" надвигаются съ страшной быстротой! Они идутъ нестройными толпами. Вѣроятно, здѣсь будетъ привалъ.

Раненый. Идутъ? А... а... Поздно! Я ихъ уже не увижу. Константинъ! Ради тебя... Зачѣмъ увлекъ ты меня за собой? Зачѣмъ не далъ уйти? Мы были бы дома теперь... дома... въ теплѣ... Схватывается. Ай! Ай! Рветъ!.. Рветъ, проклятая хватается за животъ, привстаетъ, всю внутренность перевернуло... Ай! Ай! Ай-ай-ай! Ползетъ по сценѣ и—безсильный, въ страшныхъ мученіяхъ, падаетъ.

Александръ глядя на раненаго. Высшее изобрѣтеніе человѣческой культуры. Жалкой, гнилой культуры, которая вмѣсто того, чтобы дать человѣку возможность покойно наслаждаться благами жизни, измышляетъ для него адскую пытку.Ране-

ный недвижимъ. Александръ, наклоняясь надъ нимъ. Должно быть, умеръ.

Издали слышенъ шумъ приближающагося войска: нестройные звуки музыки, ухарскія пѣсни, потомъ громкій разговоръ.

Иванъ. Непріятель идетъ... Подходитъ къ отцу, все еще стоящему надъ раненымъ недалеко отъ дуба. Какъ ты скажешь, отецъ? Я думаю, Маріи лучше спрятаться въ домѣ: кто знаетъ настроеніе этихъ людей?

Александръ разсѣянно, поглощенный другою мыслью. Разумѣется, разумѣется, спрятаться какъ можно дальше... Иванъ подходитъ къ Маріи, говоритъ съ ней, послѣ чего она удаляется въ гротъ — близъ дуба Константинъ? Да, это онъ — мой сынъ, сомнѣній не можетъ быть. Уворованный нищимъ-старикомъ въ странѣ „родныхъ"... брюнетъ... съ синими глазами... Такого другого случая не можетъ быть. Какая иронія судьбы! Унесенъ изъ родного края въ чужую страну для того, чтобы опять вернуться на родину и принести съ собой огонь и разореніе... Ужасно!.. Но я долженъ его видѣть, я долженъ ему сказать, чтобы онъ остановился, что онъ убиваетъ своихъ братьевъ, что онъ губитъ все отечество. Я властнымъ словомъ задержу его безумное движеніе!.. Задержу? Да... Но послушаетъ ли онъ меня? Онъ—великій полководецъ... Герой... Признаетъ ли онъ вообще во мнѣ отца? Войско

близко. За сценой слышенъ громкій разговоръ воиновъ, смѣхъ. Нѣсколько воиновъ входятъ на сцену. Александръ отходитъ въ сторону. Да меня, пожалуй, эти живодеры и не допустятъ до него...

Воины гурьбой входятъ на сцену, съ пѣснями и веселымъ смѣхомъ.

Старшій. Ну, вотъ тутъ и отличное мѣсто для привала. Я облюбовалъ его еще до начала битвы. Распоряжается. Складывайте провизію! Рубите деревья — приготовляйте костеръ! Обращаясь къ воинамъ, идущимъ съ носилками. А вы, подбирайте-ка поскорѣе убитыхъ! Воины подбираютъ убитыхъ. Туда! въ одну кучу ихъ! Копайте яму! Воины складываютъ убитыхъ въ одно мѣсто, копаютъ яму. Одинъ изъ воиновъ, подойдя къ фруктовому дереву съ топоромъ въ рукахъ, смотритъ на дерево и колеблется—рубить его или не рубить. Старшій замѣтилъ это. Чего-жъ ты смотришь! Руби живѣй!

Воинъ. Да вѣдь это яблоня—жалко...

Старшій. Болванъ! Нашелъ что жалѣть—чужую яблоню!

Второй воинъ тоже остановившійся въ нерѣшимости около яблони съ топоромъ въ рукахъ. Мало-ли что чужая, а все-таки яблоня, дерево, значитъ, хорошее, человѣку пользу приноситъ. Вотъ тамъ дубъ есть, идемъ лучше туда! Идетъ къ дубу.

Первый воинъ. Да яблоки все равно еще сырыя, въ нихъ мало толку. Срубить, все равно. Рубитъ яблоню.

Александръ подбѣгая къ нему. Не рубите этихъ молодыхъ деревьевъ! Умоляю васъ, не рубите!..

Старшій. Да ты кто такой?

Александръ. Я... я владѣлецъ этой усадьбы. Я самъ сажалъ эти деревья, я ухаживалъ за ними...

Старшій. А вина у тебя много въ подвалѣ? Въ это время раздаются звонкіе короткіе удары топоровъ въ дубъ; его рубятъ нѣсколько воиновъ; каждый ударъ топора сопровождается въ оркестрѣ громкимъ отрывистымъ звукомъ скрипки. Ты лучше позаботься о томъ, чтобы угостить насъ получше. Воинамъ, которые рубятъ дубъ. Что, не дается? Бросьте! Рубите молоднякъ!

Александръ глядя на дубъ, съ умиленіемъ. Онъ не дастся, онъ не дастся! На моихъ глазахъ, во время послѣдней войны, враги такъ-же начали рубить его, но не могли осилить.

Старшій. Ну, ладно. Будетъ болтать. Гдѣ вино? Идемъ! Тянетъ его къ дому.

Воины. Ничего не будетъ.

Второй воинъ. Не дается, топоръ отупѣлъ.

Первый воинъ рубитъ второе молодое дерево. Вали это, все равно. Воины рубятъ деревья. Они со стономъ падаютъ подъ грустную музыку. Скрипки въ оркестрѣ рыдаютъ.

Александръ. Оставьте! Оставьте! Что вы дѣлаете, безумные! Бросается къ нимъ. Я не позволю!..

Старшій схватывая его. Ну, ладно, ладно, пошелъ! Толкаетъ его въ спину по направленію къ дому. Выставляй вино!

Старшій и Александръ входятъ въ домъ. Воины рубятъ упавшія деревья на дрова для костра; другіе помогаютъ копать яму для убитыхъ; двое воиновъ поднимаютъ раненаго за голову и ноги и несутъ, чтобы положить его въ кучу.

Первый воинъ. Мертвый-ли онъ?

Второй воинъ. Мертвый, мертвый. Вали въ кучу.

Первый воинъ. Кажется, точно рукой движетъ?

Второй воинъ. Да ну его къ чорту, вѣдь не нашъ—„родной"!

Первый воинъ. Все же нехорошо, живого въ землю валить.

Второй воинъ. Ну да что дѣлать? Назадъ его опять тащить? И такъ возни много.

Первый воинъ. Прикончить хоть.

Второй воинъ. Прикалывай скорѣй!

Первый воинъ всаживаетъ раненому штыкъ въ грудь; раненый издаетъ хриплый звукъ. Готово.

Изъ дома Александра въ это время раздается пѣніе.

Голосъ старшаго. Вино моя услада,
Виномъ душа полна...

Старшій веселый и сытый выходитъ съ бутылкой и стаканомъ. Наливаетъ вино. Сюда, воины! По стакану! Первый стаканъ, я думаю, по справедливости слѣдуетъ хозяину этого гостепріимнаго дома. По-

жалуй сюда, старикъ, пожалуй сюда. Выходитъ Александръ. Воины хотятъ выпить за твое здоровье, подаетъ ему стаканъ, а ты выпей за наше.

Александръ качая головой. Я не буду пить.

Старшій. Пей, старикъ; отчего-жъ не выпить? Мало-ли, что мы побѣдители, а вы побѣжденные! Всѣ мы, прежде всего, люди. Пей!

Александръ. Нѣтъ, я не буду пить.

Старшій раздражаясь. Да почему же? Пей, глупый старикъ.

Александръ. Не хочу.

Старшій. Пей-же, говорятъ тебѣ! Пей сейчасъ! Дѣлаетъ ему рукой угрожающій жестъ. Ну да, впрочемъ, чортъ съ тобой. Не хочешь нашей ласки— не надо. Пейте, воины. Воины поочереди подходятъ и пьютъ изъ руки старшаго. Пейте, сколько хотите! Вы храбро сражались и кровью заработали себѣ это вино. Передаетъ бутылку одному изъ воиновъ. На, угощай!

Нѣкоторые воины разводятъ огонь, а трое гонятъ къ дому нѣсколько овецъ и большую, жирную свинью.

Старшій глядя на свинью. Ба!.. Откуда это? Вотъ такъ провіантъ! Кулинаръ!

Кулинаръ. Здѣсь, начальникъ.

Старшій. Ты мнѣ изъ этой свиньи приготовь жаркое... Да смотри, постарайся... съ соусомъ...

Кулинаръ. Слушаю-съ.

Старшій. Гони къ огню. Овецъ и свинью гонятъ

къ послѣднему костру: за ними идутъ воины и кулинаръ, которые сейчасъ-же рѣжутъ животныхъ. Ну вотъ и стоянка. Жаль только, что одинъ нашъ отрядъ здѣсь, и я въ отрядѣ одинъ — командующій убитъ, помощникъ командующаго тоже... Какъ еще я живъ остался? Надо пойти выпить за ихъ здоровье. Впрочемъ... садится и подзываетъ воина. Пойди-ка принеси сюда изъ дома бутылку вина, тамъ есть такая бѣлая, съ розовой печатью...

Воинъ. Слушаю-съ.

Старшій встаетъ, подходитъ къ воинамъ, убирающимъ убитыхъ. Что? прибрали убитыхъ?

Воины. Скоро готово.

Старшій. Живыхъ много?

Воины. Настоящихъ живыхъ только два воина; ихъ отнесли въ палатку.

Старшій разсѣянно. Остальные мертвые?

Воины. Мертвые.

Старшій возвращаясь къ дому. А что, старикъ, скажи-ка, куда это ты всѣхъ своихъ женщинъ прибралъ? Не можетъ быть, чтобы у тебя въ домѣ не было ни одной женщины.

Воинъ приноситъ ему вино; онъ наливаетъ и пьетъ. Въ это время около послѣдняго костра, гдѣ рѣжутъ овецъ, слышны крики воиновъ.

Воины. Свинья ушла! Ловите, ловите!..

Свинья бѣжитъ, за ней воины. Свинью ловятъ.

Одинъ изъ воиновъ ведетъ вмѣстѣ съ другими свинью. Вишь, ушла... скотина... Тоже смерть чуетъ.

Второй воинъ. А ты что думалъ?

Кулинаръ точитъ ножи, обагренные кровью, одинъ объ другой. Давайте ее сюда. Рѣжетъ еще одну овцу, потомъ беретъ отвинченный отъ винтовки штыкъ и колетъ свинью. Вотъ такъ тебѣ, матушка, не убѣгай.

Свинья кричитъ.

Старшій. Экъ оретъ свинья!

Александръ тяжело вздыхаетъ.

Дерево на кострахъ потрескиваетъ; огни горятъ. Начинаетъ вечерѣть, но еще свѣтло.

Старшій Александру. Что, небось, жалко свинью?

Александръ. Поросная была...

Старшій пьетъ. Не бѣда. Будешь жить—другую наживешь, а эту мы сегодня, за твое здоровье, съѣдимъ. Ты вотъ, вмѣсто того, чтобы вздыхать, старикъ, скажи намъ, куда ты всѣхъ женщинъ упряталъ?

Александръ. У меня нѣтъ женщинъ, я одинокъ, да вотъ еще сынъ. Указываетъ на стоящаго поодаль Ивана.

Старшій. Глупъ-же ты, въ такомъ случаѣ, что не обзавелся женщиной, если это только правда. Но мнѣ кажется, что ты хитришь. Признайся-ка?.. Припряталъ гдѣ-нибудь бабу? А? Наливаетъ себѣ вина. Ну да ты, старый развратникъ—

за твое здоровье!—пьетъ все равно не признаешься, а вотъ мы сейчасъ вызовемъ помощника старшаго и поручимъ ему сдѣлать рекогносцировку... Какъ это тебѣ покажется? А?

Александръ нѣсколько блѣднѣя. Совершенно напрасно, онъ все равно ничего не найдетъ.

Старшій. А мы посмотримъ. Зоветъ. Алексѣй!

Алексѣй подходитъ. Что угодно старшему?

Старшій. Подойди поближе.

Въ это время Александръ подходитъ къ Ивану, стоявшему все время въ сторонѣ.

Александръ Ивану. Марія хорошо спрятана?

Иванъ. Въ гротѣ, подъ землей... А что?

Александръ. Старшій пьянъ и посылаетъ искать женщинъ. Если только они ее найдутъ...

Иванъ вспыхиваетъ, поднимаетъ руку. Убью!

Александръ ударяетъ его по рукѣ. Тише! Не смѣй горячиться! Потихоньку идетъ къ старшему.

Иванъ скрывается за дубомъ.

Старшій Алексѣю. Да смотри, чтобы съ пустыми руками не возвращаться!

Алексѣй. Слушаю своего старшаго. Отходитъ.

Старшій ему вслѣдъ. Да спроси тамъ кулинара, скоро-ли?.. Пусть бы хоть, пока жаркое не готово — консервы откупорилъ. Жрать хочу. Александру. Старикъ, давай еще вина! Да, можетъ быть, у тебя сыръ есть или колбаса?

Александръ. Пожалуй въ комнату.

Идутъ въ домъ, причемъ старшій покачивается и держится за плечо Александра. Воины располагаются у костра.

Первый воинъ. Что это, старшій послалъ Алексѣя женщинъ искать?

Второй воинъ. Извѣстное дѣло, развѣ онъ безъ этого можетъ?

Первый воинъ. А вѣдь Алексѣй найдетъ.

Второй воинъ. Найдетъ непремѣнно, онъ самъ безъ женщины ни одной ночи не обойдется. Сперва старшій, а потомъ онъ.

Первый воинъ. Хоть бы намъ разокъ пришлось, напослѣдокъ.

Второй воинъ. Гдѣ ужъ намъ? Хорошо, хоть вина много: налакаемся.

Между тѣмъ воины, занятые убитыми, сложили ихъ уже въ кучу въ яму и заваливаютъ ее.

Одинъ изъ воиновъ. Будетъ ужъ землю бросать, послѣ кончимъ. Пойдемъ къ котлу.

Второй воинъ. Идемъ!

Бросаютъ работу и присоединяются къ воинамъ, сидящимъ у костра. На огнѣ стоитъ большой котелъ. Одинъ изъ воиновъ мѣшаетъ пищу въ котлѣ. Тепло. Закатъ. Кое-гдѣ, въ ясномъ небѣ, появляется звѣздочка. Журчитъ рѣка. Шумитъ дубъ. Дрова трещатъ. Воины затягиваютъ пѣсню.

ПѢСНЯ ВОИНОВЪ:

Съ любимаго поля
Родныхъ береговъ
Мы грозною ратью
Идемъ на враговъ.

Отвагой и силой
Полна наша грудь,
Безсмертною славой
Увѣнчанъ нашъ путь.

За городомъ городъ
Мы съ боя беремъ,
Врагамъ утомленнымъ
Вздохнуть не даемъ.

Враги о пощадѣ
Готовы просить,
Но мечъ разошелся—
Не хочетъ щадить!

Старшій сильно выпившій выходитъ изъ дому, за нимъ Александръ. Подтягиваетъ воинамъ. Когда пѣсня кончилась, кричитъ. Алексѣй! Алексѣй!

Воины. Его нѣтъ, старшій.

Старшій. Не привелъ еще женщины? Негодяй!.. Александру. Слушай, старикъ, подавай мнѣ сейчасъ женщину, или... или вынимаетъ саблю я тебѣ! Замахивается саблей надъ Александромъ. Ну да, впрочемъ, опускаетъ саблю чортъ съ тобой!.. Хорошо, что хоть пожрать далъ.

Алексѣй появляется около грота, таинственно. Находка.

Старшій вскакиваетъ и, покачиваясь, бѣжитъ къ гроту. Женщина?

Алексѣй. Въ этомъ гротѣ.

Старшій. Но почему ты думаешь, что именно въ этомъ гротѣ?

Алексѣй. По запаху узналъ. Поводитъ носомъ. Особенный запахъ.

Старшій пробуетъ открыть дверь. Заперта. Слушайте, сударыня, отоприте! Мы вамъ, этакъ, ничего, кромѣ удовольствія, не намѣрены...

Александръ стоитъ мертвенно блѣдный и трясется.

Александръ потихоньку. Несчастные мы! Несчастные!

Старшій продолжая ломиться въ дверь. Отоприте! Да отоприте-же, наконецъ, чортъ возьми! Трясетъ изо всей силы дверь. Да есть-ли тамъ кто-нибудь?

Алексѣй. Есть, есть. Я выслѣдилъ. Надо взломать дверь. Крѣпче. Вмѣстѣ со старшимъ налегаютъ на дверь.

Старшій дѣлая усиліе. Ну, дружно.

Дверь вылетаетъ. Изъ грота выскакиваетъ Иванъ, блѣдный, съ ножемъ въ рукѣ.

Иванъ. Стой! Бьетъ ножомъ въ грудь старшаго. Старшій падаетъ. Становится въ боевую позу. Нападайте! Васъ болѣе ста человѣкъ—а я одинъ.

Алексѣй. Это еще что? Эй, сюда, воины! Тутъ бунтъ! Нашего старшаго убили! Воины сбѣгаются.

Александръ бросается къ Ивану. Иванъ! Иванъ! Горе мнѣ. Брось! Брось ножъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Не

бросай... Марія тутъ. Марія, Боже мой! Боже мой!
Падаетъ съ рыданіями на землю.

Алексѣй воинамъ. Хватайте его, братцы. Что на него смотрѣть?

Нѣсколько воиновъ. Берите его! Берите!

Бросаются на Ивана. Иванъ защищается; ножемъ ранитъ еще нѣсколько человѣкъ, но потомъ уступаетъ силѣ враговъ. Его хватаютъ.

Одинъ изъ воиновъ. Тащи его!

Алексѣй. Вяжите мерзавца! Воины вяжутъ Ивана. Такъ. Руки ему назадъ. Вяжите, вяжите—да покрѣпче. Ивана связали. Бросьте его тамъ гдѣ-нибудь, около палатки. И старика на всякій случай прихватите.

Второй воинъ. Эй, старикъ ничего, безопасенъ. Ивана уносятъ.

Алексѣй ему вслѣдъ. Вишь, какой выискался... Потихоньку, наклоняясь надъ тѣломъ старшаго. А старшему то нашему крышка! Отрядомъ теперь буду командовать я. Въ двадцать три года—командиръ отряда! Никто не повѣритъ. Да, случай. Въ жизни все случай. Однако, за дѣло. Идетъ къ гроту.

Александръ встаетъ на ноги и видя, что его сына уносятъ связаннаго, кричитъ. Иванъ! Иванъ! Хочетъ бѣжать за сыномъ, но, замѣтивъ, что Алексѣй идетъ къ гроту, загораживаетъ ему дорогу и бросается передъ нимъ на колѣни. Не трогайте ее! Не трогайте! Умоляю

васъ! Это дочь моя... къ тому-же, къ тому-же... она—беременна!..

Алексѣй воинамъ. Возьмите этого шута. Александра берутъ. Воины уносятъ тѣло старшаго и двухъ, трехъ раненыхъ воиновъ. Готово! Ну, братцы, стойте тутъ на караулѣ, а я въ гротъ. Василій со мной! Подзываетъ рукою воина Василія. Вдвоемъ легче будетъ, а то дѣвка, можетъ, упрямая. Я первый, ты—второй! Уходятъ.

Первый воинъ. Третій!

Второй воинъ. Четвертый!

Нѣсколько воиновъ. Пятый, шестой, седьмой!

Становятся въ шеренгу. Алексѣй исчезаетъ въ гротѣ, за нимъ Василій. Александръ бьется и рыдаетъ въ рукахъ держащихъ его воиновъ.

Александръ. Пустите! Отдайте! Дочь моя! Дочь!

Ночь. Горятъ костры. Издали слышится музыка.

Первый воинъ. Музыка?

Второй воинъ. Начальникъ ѣдетъ.

Нѣсколько воиновъ изъ сидящихъ около котла. Константинъ ѣдетъ! Константинъ! Это его маршъ!

Нѣкоторые воины, стоявшіе около грота въ шеренгѣ, быстро ныряютъ въ гротъ, другіе уходятъ къ костру. Изъ грота выскакиваетъ Алексѣй, оправляется, идетъ къ воинамъ. Музыка между тѣмъ все

ближе. На сценѣ, сопровождаемый небольшой свитой, появляется Константинъ. Воины встаютъ и выстраиваются.

Воины громко кричатъ. Виватъ! Виватъ!

Константинъ останавливается. Все ли въ порядкѣ? Гдѣ старшій?

Въ это время два воина приводятъ связаннаго Ивана.

Алексѣй воинамъ. Давайте его сюда! Ближе! Константину. Старшій былъ только что убитъ исподтишка однимъ изъ мѣстныхъ жителей. Вотъ убійца. Указываетъ на Ивана.

Константинъ сурово. Оказалъ вооруженное сопротивленіе законной власти?

Иванъ. Они насилова...

Одинъ изъ воиновъ ударяетъ его изо всей силы по затылку.

Воинъ. Молчать, преступникъ!

Константинъ спокойно глядя въ сторону. Немедленно разстрѣлять, безъ суда...

Александръ появившійся между воинами. Брата своего? Опомнись!

Воинъ. Убрать старика скорѣй!

Другой воинъ. Убрать старика! Нѣсколько воиновъ отгоняютъ старика Александра.

Константинъ. Это будетъ урокъ другимъ жителямъ посада—что значитъ противиться власти „чужихъ“. Ивана уводятъ. „Чужіе“ справедливы и милосердны къ покорнымъ, бунтующимъ—

смерть. Воинамъ. Всего ли у васъ довольно? Пищи? Вина?

Воины. Благодаримъ начальника. Всего вдоволь.

Константинъ спрашиваетъ что-то потихоньку у одного изъ своей свиты. Надеженъ?

Одинъ изъ свиты тихо. Вполнѣ.

Константинъ громко Алексѣю. Убитаго старшаго похоронить съ почестями, приличествующими герою. Командованіе отрядомъ поручается Алексѣю.

Алексѣй. Благодарю начальника.

Константинъ. Алексѣю. Любить подчиненныхъ—всѣхъ одинаково; слушаться начальства. Быть краткимъ въ рѣчахъ, справедливымъ и строгимъ. Въ остальномъ слѣдовать примѣру убитаго начальника.

Со свитой проѣзжаетъ дальше; когда онъ равняется съ дубомъ—съ дуба раздается голосъ Александра, который во время разговора Константина съ воинами потихоньку влѣзъ на дубъ.

Александръ. Остановись, Константинъ! Остановись!

Константинъ останавливается. Воинамъ. Кто это говоритъ?

Алексѣй сердито воинамъ. Опять этотъ неснос-

ный старикъ! Не можете заткнуть ему глотку. Константину. Этотъ старикъ—отецъ убійцы.

Константинъ махнувъ рукой хочетъ ѣхать дальше. А!..

Александръ. И твой! И твой отецъ, Константинъ! Начальникъ „чужихъ", но „родной" по крови. Братоубійца! Сестроубійца!

Константинъ. Что онъ говоритъ такое? Онъ потерялъ разсудокъ?

Александръ. Проклятый братъ! Недостойный сынъ! Несправедливый полководецъ!

Константинъ поднимая голову къ дубу. Несправедливый полководецъ?

Алексѣй. Не слушай его, начальникъ. Вели мнѣ пристрѣлить его тамъ, на деревѣ! оборачивается къ одному изъ воиновъ. Семенъ, принеси-ка мою винтовку...

Константинъ. Стой! Я хочу говорить съ нимъ. Слѣзь, старикъ, и объясни мнѣ, почему ты назвалъ меня несправедливымъ полководцемъ? Пока ты безсмысленно поносилъ меня, я не придавалъ значенія твоимъ словамъ, хотя другой, на моемъ мѣстѣ, велѣлъ бы тебя казнить за нихъ.

Александръ. Что значитъ для меня казнь, когда моя дочь обезчещена, а сынъ?..

Константинъ не слушая его, продолжаетъ. Но когда ты назвалъ меня несправедливымъ полководцемъ — я требую, чтобы ты объяснилъ свои

слова. Меня могутъ считать гордымъ, жестокимъ, хотя я ни то, ни другое, но несправедливымъ...

Александръ. А что-же, справедливо по твоему оправдывать воиновъ, изнасиловавшихъ невинную женщину?

Константинъ. О какомъ насиліи говоришь ты? Я не знаю. Но если оно и было, что можно допустить, судя по твоему разстроенному виду—то война извиняетъ поступокъ воиновъ. Твоя дочь—случайная, но необходимая жертва войны. Въ мирное время они страшно отвѣтили бы за насиліе.

Александръ. Такъ будь же проклята твоя война... и ты самъ! Пусть будетъ надъ тобой мое отцовское проклятіе! Братоубійца!

Бросаетъ ему золотой медальонъ, который Константинъ велитъ знакомъ воину поднять и начинаетъ разсматривать.

Константинъ. Я не послѣдователь христіанства и братьями своими считаю только того, кто одного со мной племени и одной крови. Воинамъ. Дайте сюда свѣта. Старикъ бросилъ мнѣ медальонъ... Какая-то загадочная надпись.

Зажигаютъ факелы.

Александръ. Да развѣ Иванъ—твой кровный братъ — не одного съ тобой племени? А я? Твой отецъ?.. Оглянись кругомъ. Неужели ты не узнаешь своего родного гнѣзда? Посмотри на этотъ

дубъ. Онъ ничего не напоминаетъ тебѣ? Становится во весь ростъ на одной изъ вѣтвей дуба. Этотъ могучій, столѣтній дубъ, подъ которымъ ты игралъ ребенкомъ?

Воины изумлены и нѣсколько отстраняются.

Константинъ читаетъ надпись въ медальонѣ. Константинъ... родился девятаго года... Тихо. И портретъ похожъ...

Александръ. Пойдемъ къ намъ въ домъ; тамъ я еще многое покажу тебѣ, что напомнитъ тебѣ дѣтство.

Константинъ осматриваясь кругомъ, въ раздумьи, тихо. Дубъ... Дубъ, колеблемый вѣтромъ, шумитъ и точно протягиваетъ Константину свои вѣтви. Да, этотъ дубъ... Я когда-то видѣлъ такую-же мѣстность, точно во снѣ... Неужели этотъ слухъ вѣренъ? А вѣдь онъ упорно держится въ народѣ... Неужели, въ самомъ дѣлѣ, я?.. Нѣтъ, нѣтъ. Не можетъ быть. А вдругъ? Громко. Слушай, старикъ. Слѣзай съ дерева, пойдемъ къ тебѣ въ домъ.

Александръ слѣзаетъ съ дерева: Константинъ съ лошади; идутъ къ дому: старикъ впереди, Константинъ сзади.

Константинъ свитѣ. Подождите здѣсь. Я зайду на минуту въ домъ къ старику выпить стаканъ вина. Мнѣ холодно. Да и старикъ интересный; онъ, кажется, немного помѣшался.

Одинъ изъ свиты. Прикажи мнѣ итти съ тобой, начальникъ. Этому старику нельзя довѣрять... Въ домѣ можетъ быть засада.

Константинъ ударяя его по плечу. Ты точно первый разъ познакомился со мной! Развѣ Константинъ можетъ чего-нибудь бояться? Свитѣ. Остановитесь тутъ; посмотрите, какъ веселятся воины.

Идетъ за Александромъ въ домъ. Играетъ музыка. Воины пьютъ и шумно разговариваютъ. Вдали раздается ружейный залпъ.

Одинъ изъ воиновъ. Готово.

Другой воинъ. Это того молодца—Ивана?

Первый воинъ. Навѣрное.

Второй воинъ. И что это начальнику вздумалось итти къ старику?

Первый воинъ. Мало ли что. Онъ всегда такъ. Вздумалъ и пошелъ. Да, кстати, онъ такихъ любитъ—юродивыхъ да полоумныхъ или гадальщиковъ. Вчера, передъ битвой, цѣлый вечеръ, говорятъ, просидѣлъ у гадальщицы Софьи.

Второй воинъ. Мудреный человѣкъ! Послѣ паузы. А что, правда, будто онъ сынъ какого-то „родного“, а къ намъ его принесъ одинъ нищій старикъ? Вѣрить этому или не вѣрить?

Первый воинъ. Мало ли что народъ несетъ! Какой онъ „родной“? Если бы онъ былъ

„роднымъ“, не билъ бы онъ ихъ, какъ собакъ. Звѣрь и то свою кровь чуетъ.

Къ Алексѣю, сидящему недалеко отъ дома, подходитъ воинъ.

Алексѣй воину. Все исполнено?

Воинъ. Исполнено, старшій.

Алексѣй. Трупъ убійцы похороненъ?

Воинъ. Яму роютъ.

Алексѣй. Посмотрѣть, чтобы похоронили.

Музыка. Воины пьютъ, поютъ, разговариваютъ.

Алексѣй подзываетъ опять воина. Поди ко мнѣ.

Воинъ. Что прикажетъ старшій?

Алексѣй. А что, какъ эта женщина въ гротѣ?.. Навѣрное, готова?

Воинъ. Подъ тридцать пятымъ кончилась.

Алексѣй гадко улыбаясь. Тридцать шестому не досталась? Воображаю, какъ тотъ злился. Ты слушай, распорядись сейчасъ-же, пока главный начальникъ у старика въ домѣ, вынести ее изъ грота и закопать вмѣстѣ съ казненнымъ; можно въ одну яму. И чтобы все было тихо и въ порядкѣ...

Воинъ. Слушаю старшаго. Зоветъ двухъ воиновъ и идетъ съ ними къ гроту. Входитъ въ гротъ и оставляетъ широко открытую дверь. Кто тутъ еще? Семенъ? По-

шелъ вонъ. Вишь чѣмъ занялся! Оба воина смѣются. Срамникъ!

Второй воинъ. Мертвую? Ахъ, чтобы тебя утки заклевали! Франтъ! Смѣется.

Третій воинъ Смѣется.

Изъ грота выходитъ воинъ Семенъ въ шляпѣ на боку, поправляется. Воины входятъ въ гротъ и черезъ нѣсколько секундъ выносятъ оттуда Марію, мертвенно блѣдную, въ изорванномъ платьѣ. Ее несутъ черезъ сцену. Въ это время дверь изъ дома Александра отворяется, и оттуда выходитъ Константинъ, сильно взволнованный.

Воины съ трупомъ Маріи моментально останавливаются.

Константинъ. Старшій!

Алексѣй. Что угодно начальнику?

Константинъ. Казнь преступника Ивана остано... Замѣчаетъ воиновъ съ трупомъ Маріи. Что это такое?

Александръ все время находится около Константина. Это... твоя сестра.

Константинъ съ ужасомъ. Она? Сестра? Стойте, воины! Стойте! Становится передъ трупомъ на колѣни. Кончено! Трогаетъ голову Маріи руками и, видя, что она безжизненна, бросается къ ней на грудь и рыдаетъ. Сестра! Сестра! Проснись! Дорогая... Безцѣнная... Я твой убійца, твой братъ. Рыдаетъ.

Раздается грустная музыка. Воины молчатъ. Журчитъ рѣка, шумитъ дубъ, шумятъ оставшіеся нѣсколько деревьевъ и нѣсколько колосковъ, и все это сливается въ одну мелодію.

Рѣка, дубъ, деревья, колосья. Сестроубійца! Сестроубійца!

Въ это время пламя костра, горящаго поблизости отъ стога сѣна, понемногу переходитъ на стогъ, и онъ начинаетъ горѣть.

Рѣка, дубъ, деревья, колосья. Сестроубійца! Сестроубійца!

Константинъ рыдаетъ.

Музыка переходитъ изъ грустной и тихой въ бурную. Весь ландшафтъ освѣщается ярко-краснымъ, кровянымъ свѣтомъ; стогъ сѣна пылаетъ въ красномъ огнѣ и возлѣ него появляется фигура Марса въ полномъ вооруженіи; онъ весь дышетъ силой и жаждой битвы.

Марсъ Константину. Идемъ! Идемъ отсюда! Что ты тутъ дѣлаешь? Какъ не стыдно? Великій Константинъ плачетъ надъ трупомъ какой-то женщины. Константинъ приподнимается. Мало-ли труповъ было на твоемъ пути? Ты шагалъ черезъ нихъ. Перешагни и черезъ этотъ. Беретъ его за руку.

Идемъ! Идемъ... Тебя ждетъ слава! Небывалая, міровая слава!

Музыка дѣлается все громче. Марсъ тянетъ Константина за собой. Константинъ, нехотя, слѣдуетъ за нимъ.

Константинъ съ горечью. Слава... слава...

Оба исчезаютъ въ пламени за пылающимъ стогомъ. Музыка дѣлается тише. Красный свѣтъ блѣднѣетъ. Огонь ослабѣваетъ.

ВОСЬМАЯ КАРТИНА.

Городская площадь въ столицѣ «родныхъ», куда побѣдоносно вступаютъ войска Константина. Городъ роскошно убранъ. Достраиваютъ великолѣпную тріумфальную арку, на которой написано: «Побѣдителю—побѣжденные». На лѣвой сторонѣ площади, около храма и богатаго открытаго шатра, устроеннаго для Константина, собрались старшины города съ подношеніями. Главный жрецъ держитъ въ одной рукѣ золотой сосудъ, наполненный священнымъ напиткомъ, а въ другой подносъ съ золотымъ кубкомъ; другой жрецъ—пальмовую вѣтвь—знакъ мира; третій—лавровый вѣнецъ, который самъ побѣдитель долженъ возложить себѣ на голову; у четвертаго на рукахъ роскошная женщина, въ свободной парчевой туникѣ: плечи и ноги у женщины обнажены; ноги и руки связаны тонкимъ золотымъ шнуркомъ—знакъ покорности; пятый жрецъ держитъ бѣлую лилію—священный цвѣтокъ. Отъ арки до храма, въ два ряда, стоятъ самыя красивыя женщины, совершенно обнаженныя. Арку окончили. Издали слышится музыка. Впереди идетъ отрядъ воиновъ, за которыми медленно движется побѣдоносная колесница съ Константиномъ. Рядомъ съ нимъ сидитъ Марсъ въ военныхъ доспѣхахъ. За колесницей слѣдуютъ другіе начальники и воины. Потомъ идутъ плѣнники въ тяжелыхъ кандалахъ, съ печальными лицами; женщины плачутъ; многія изъ нихъ обнажены и съ трудомъ двигаются; воины погоняютъ ихъ

кнутами; нѣкоторыя падаютъ. Константинъ останавливается передъ старшинами и сходитъ съ колесницы. Онъ въ богатой военной одеждѣ.

Старшины хоромъ. Привѣтъ побѣдителю! Привѣтъ храбрѣйшему предводителю „чужихъ“! Привѣтъ великому Константину! Низко кланяются.

Константинъ лицо у котораго блѣдно, а глаза смотрятъ какъ-то тревожно; говоритъ съ усталостью въ голосѣ, точно нехотя. Привѣтъ вамъ, старшины и представители славнаго народа „родныхъ“!

Главный жрецъ преклоняя колѣни, Константину. Въ знакъ нашего смиренія прошу тебя принять этотъ сосудъ. Онъ взятъ изъ храма нашего высшаго божества—любви и справедливости; его наполняетъ священный напитокъ, котораго только разъ въ годъ касается губами верховный жрецъ, приготовляясь къ тому шесть недѣль постомъ и молитвой. Наливаетъ напитокъ въ кубокъ, который подаетъ Константину.

Константинъ беретъ кубокъ въ руки, хочетъ поднести къ губамъ, но останавливается, тихо. Я недостоинъ пить изъ божественнаго кубка!

Марсъ беретъ его крѣпко за руку. Нѣтъ награды, которой-бы не заслуживалъ воинъ. Пей!

Константинъ. Но вѣдь этотъ напитокъ—символъ любви и справедливости? Какъ же я... убійца... врагъ своей родины?..

Марсъ. Пей!

Константинъ поднимаетъ кубокъ къ губамъ, но, замѣтивъ въ толпѣ Александра, опять опускаетъ руку. Громко. Слушай, старикъ Александръ, подойди ко мнѣ!

Голоса въ толпѣ. Александръ? Гдѣ Александръ? Какой Александръ?

Александръ. Это я!

Голоса въ толпѣ. Опять тотъ-же старикъ! Ужъ не въ самомъ-ли дѣлѣ?.. Недаромъ говорятъ...

Александръ пробирается сквозь толпу и подходитъ къ Константину. Здравствуй, господинъ!

Константинъ тихо. Скажи, старикъ... Отецъ?.. Да, отецъ. Это несомнѣнно. Скажи—имѣю я право осушить этотъ кубокъ?

Марсъ съ раздраженіемъ. Имѣешь, имѣешь! Кончай скорѣй: на тебя всѣ смотрятъ.

Александръ. Прежде отпусти этихъ несчастныхъ. Указываетъ на плѣнниковъ. Ихъ жалкій видъ, ихъ стоны и слезы омрачаютъ твое побѣдное шествіе.

Константинъ съ горечью. Побѣдное шествіе? Мое позорное шествіе! Къ воинамъ. Старшій!

Старшій подходитъ.

Марсъ. Что ты хочешь приказывать? Совѣтъ старика—безуміе; воины поднимутъ ропотъ, если ты отнимешь у нихъ ихъ трофеи. За этихъ плѣнныхъ они расчитываютъ получить огромный выкупъ. Они никогда не простятъ тебѣ...

Константинъ темнѣя. Кто не проститъ?

Кому? Выпрямляясь, властно. Да развѣ воины могутъ прощать или не прощать? Ты забылся, Марсъ. Я—господинъ. Я—повелитель. Старшій! Освободить немедленно всѣхъ этихъ плѣнныхъ, разбить ихъ оковы и отпустить на волю. Въ рядахъ воиновъ поднимается глухой ропотъ.

Одинъ изъ воиновъ другимъ вполголоса. Какъ освободить? А выкупъ?

Второй воинъ. Мы получили-бы деньги...

Константинъ тѣмъ же повелительнымъ голосомъ. Все набранное здѣсь имущество вернуть жителямъ страны „родныхъ“. Снять его съ этихъ обозовъ! Указываетъ на обозы, стоящіе позади. Обыскать воиновъ и отнять отъ нихъ награбленное у „родныхъ“ золото.

Ропотъ въ войскахъ усиливается; голоса недовольныхъ раздаются громче.

Одинъ изъ воиновъ. Онъ обезумѣлъ. Развѣ это возможно?

Второй воинъ. Что мы, даромъ, что-ли, трудились?

Третій воинъ. Если-бы побѣдителями были „родные“—они бы никогда съ нами такъ не поступили.

Первый воинъ. Они отняли бы у насъ послѣднее.

Второй воинъ. Мы не отдадимъ того, что заработали своей кровью!

Первый воинъ. Не отдадимъ!

Нѣсколько голосовъ въ рядахъ воиновъ. Не отдадимъ! не отдадимъ!

Константинъ стоявшій въ нѣкоторомъ раздуміи, опять повелительно. Приказаніе исполнить немедленно. Поднимаетъ голову и обводитъ взглядомъ войска. Войска подтягиваются, ропотъ мгновенно стихаетъ. Всѣ ли довольны?

Воины всѣ въ одинъ голосъ. Всѣ довольны, великій полководецъ.

Константинъ. Когда мое приказаніе будетъ исполнено, старшины города распорядятся угощеніемъ для моихъ войскъ. Приходите тогда праздновать!

Старшины. Слушаемъ повелителя!

Воины. Благодаримъ великаго полководца!

Главный жрецъ опять приближаясь съ кубкомъ. Позволь-же, великій полководецъ, тебѣ еще разъ предложить испить изъ божественнаго кубка.

Константинъ беретъ кубокъ въ нерѣшимости.

Александръ. Что-же ты колеблешься? Пей! Теперь ты исполнилъ великое дѣло любви и справедливости, и ты безбоязненно можешь коснуться кубка губами.

Константинъ. А убійства? А погубленные братъ и сестра? А невинная кровь, которой я залилъ поля своей родины? Нѣтъ!.. Съ шумомъ ставитъ кубокъ на подносъ, который держитъ жрецъ. Нѣтъ!..

Жрецъ обиженный. Ты не хочешь удостоить насъ чести?

Константинъ молчитъ, занятый своими мыслями.

Марсъ жрецамъ. Полководецъ утомленъ, придите послѣ.

Константинъ какъ бы отвѣчая на свои мысли. Нѣтъ... нѣтъ... Александру. Слушай, старикъ, пойдемъ отсюда. Сядемъ вонъ тамъ, указываетъ на шатеръ, я еще хочу поговорить съ тобой.

Идетъ съ Александромъ въ шатеръ. Музыка играетъ «Славу». Части войска проходятъ маршемъ. Жрецы и старшины удаляются въ храмъ. Издали видно, какъ воины освобождаютъ плѣнныхъ, разбивая ихъ оковы, и плѣнные, благословляя Константина, расходятся. Одинъ изъ старшинъ появляется на верхнемъ портикѣ храма.

Старшина. Пусть воины и народъ собираются на площади. Сейчасъ начнутъ приготовлять угощеніе. Будутъ игры, танцы и веселый пиръ въ честь славнаго, великодушнаго нашего побѣдителя Константина и его храбраго войска!

Музыка играетъ. Старшина скрывается въ храмѣ. Константинъ долго сидитъ на диванѣ, опустивши голову.

Константинъ. И ты не лжешь? Это не подстроенная штука? Это истина, что я твой сынъ, сынъ страны „родныхъ“?

Александръ. Я привелъ вчера столько очевидныхъ доказательствъ правоты моихъ словъ, что сомнѣній не можетъ быть.

Константинъ задумчиво. Да... да .. Сомнѣній не можетъ быть... Но что-же мнѣ дѣлать въ такомъ случаѣ? Что же мнѣ дѣлать?

Александръ. Брось бранное поле. Вернись домой, живи мирно и старайся доброй и полезной жизнью искупить свои невольныя ошибки.

Константинъ. Ошибки?—Преступленія! Я убивалъ своихъ братьевъ, своихъ сестеръ—„родныхъ“.

Александръ. Если-бы ты убивалъ и „чужихъ“ — то это все равно. Преступленіе не въ томъ, что ты убивалъ тѣхъ или другихъ людей, а въ самомъ фактѣ убійства.

Константинъ. Но вѣдь убійство совершается на каждой войнѣ, и она не считается преступленіемъ? Людей, храбро дерущихся на полѣ битвы, считаютъ героями.

Александръ. Да, потому что нравы наши еще грубы и человѣческая природа — дикая и кровожадная — еще не побѣждена разумнымъ чувствомъ безконечной любви.

Константинъ сидитъ въ раздумьи. На площади начинаетъ собираться народъ; бѣгутъ мужчины, женщины, дѣти съ шумомъ и крикомъ. Что это тамъ?

Александръ выходитъ изъ шатра.

Константинъ глядя ему вслѣдъ. Отецъ? Это мой отецъ... А какая она была красивая — моя сестра Марія... Я, какъ сейчасъ, вижу это правильное, блѣдное, блѣдное лицо... Сколько она должна была выстрадать! И какъ отвратительно!.. Содрогается. И сколько ихъ погибаетъ такъ на войнѣ, жертвою человѣческой распущенности... И братъ... Какой онъ былъ? Его лица я какъ то совсѣмъ не помню; я послалъ его на смерть, не взглянувши даже ему въ лицо. Какое я имѣлъ право распоряжаться его жизнью? Да и вообще ихъ жизнями указываетъ рукой на народъ и воиновъ, когда моя жизнь, и та, слѣпая игрушка судьбы!..

Въ шатеръ входитъ Марсъ. Константинъ нѣсколько смущается. Между тѣмъ, на площади войска выстраиваются въ правильные ряды. Впереди начальники, потомъ музыканты.

Марсъ. Великій полководецъ! Войска хотятъ привѣтствовать тебя гимномъ.

Константинъ отрываясь отъ своихъ мыслей. Привѣтствовать меня? Гимномъ? Усталымъ голосомъ. Не надо.

Марсъ. Но почему-же? Разрѣши своимъ сподвижникамъ прославить въ пѣснѣ свои побѣды— и тебя, виновника этихъ побѣдъ.

Константинъ. Не надо, не надо... Я сейчасъ уйду куда-нибудь отсюда—потихоньку, что-

бы никто не видалъ... Туда, въ поле, гдѣ этотъ дубъ и этотъ домикъ... Слушай, Марсъ. Тебѣ, какъ старому другу, я могу повѣрить тайну.

Марсъ. Я слышалъ все. Старикъ морочитъ тебя.

Константинъ. У него есть доказательства...

Марсъ. Знаю. Хорошо. Теперь намъ нѣтъ времени оспаривать ихъ. Допустимъ даже, что все сказанное старикомъ вѣрно, что судьба дѣйствительно сыграла съ тобой шутку. Но эта хорошая шутка. Она привела тебя къ славѣ! Она дала тебѣ высшія наслажденія, какія только могутъ выпасть на долю человѣка—наслажденія побѣды! Развѣ ты не упивался счастьемъ, развѣ не дышалъ полной грудью, развѣ не чувствовалъ себя богомъ въ послѣднюю битву, напримѣръ, когда ты одинъ, одной своей могучей рукой сокрушилъ болѣе ста человѣкъ? Какая сила! Какая мощь! Передъ твоимъ взглядомъ самые храбрые воины падали безъ силъ!

Константинъ. Довольно, Марсъ. Я самъ считалъ все это за счастье, но я былъ ослѣпленъ. Запахъ крови разжигалъ во мнѣ скверные инстинкты. Какое счастіе можетъ быть въ убійствѣ?

Марсъ. Въ убійствѣ? Убійство—между прочимъ; счастье — въ постоянномъ движеніи, въ борьбѣ... Нельзя коснѣть на одномъ мѣстѣ, всегда въ одномъ положеніи. Ты еще молодъ, Констан-

тинъ. Ты переживаешь теперь тяжелыя минуты сомнѣній; онѣ бываютъ у каждаго человѣка, какъ бы онъ великъ ни былъ. Не поддавайся имъ. Сдѣлай, по крайней мѣрѣ, видъ, что ты не поддаешься сомнѣнію. Вѣрь мнѣ—истина въ бою. Къ постоянной борьбѣ призванъ человѣкъ, въ побѣдѣ его счастіе.

Константинъ. Въ побѣдѣ—да. Пусть люди любятъ другъ друга, пусть человѣчество сплотится — и тогда дружнѣе пойдетъ борьба съ окружающими врагами и счастье явится въ побѣдѣ, но не въ мелкой побѣдѣ одного человѣка надъ другимъ, а всего человѣчества надъ враждебными силами природы.

Музыка между тѣмъ становится громче. Одинъ изъ старшихъ приближается къ Марсу.

Старшій. Войска готовы. Безъ полководца не хотятъ начинать пира.

Марсъ Константину. Выйди же, Константинъ, я прошу тебя!

Старшій. Я передамъ войску, что полководецъ сейчасъ выйдетъ.

Марсъ Константину. Выйди!

Константинъ уступая просьбамъ Марса, усталымъ голосомъ. Хорошо... Я выйду.

Войска группируются подъ шатромъ. Константинъ показывается на лѣстницѣ, ведущей въ шатеръ.

Воины и народъ. Да здравствуетъ полководецъ! Да здравствуетъ побѣдитель! Да здравствуетъ великій!

Музыка играетъ «Славу». Впередъ изъ рядовъ воиновъ выходятъ пѣвцы.

ПѢВЦЫ:

Живи на славу,
Вождь нашъ великій!
Нѣтъ тебѣ равнаго
Въ цѣлой вселенной!
Тѣнь Александра,
Тѣнь Ганнибала
Славой своею
Ты затмѣваешь!
Вождь нашъ любимый,
Вождь справедливый,
Великодушный,
Неустрашимый!

Константинъ слушаетъ молча, потомъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Но вы не понимаете, кого прославляете во мнѣ. Вы прославляете убійцу!

Воины. Мы славимъ въ тебѣ нашего побѣдоноснаго вождя, съ неслыханными дотолѣ твердостью и мужествомъ ведшаго насъ на бой. Гдѣ ты только ни появлялся — храбрый и сильный — тамъ ряды непріятеля рѣдѣли.

Константинъ. Потому что я, какъ безум-

ный, несъ съ собой смерть и разрушеніе! Всюду я являлся бичемъ, чудовищемъ, сокрушавшимъ невинныя жертвы.

Голоса въ народѣ. Что онъ говоритъ? У него разсудокъ мѣшается.

Марсъ дѣлаетъ знакъ, чтобы музыка играла громче.

Воины. Ты дѣлалъ это во славу своего народа, и мы, воины, благодарные представители народа, привѣтствуемъ тебя.

Константинъ. Стойте! Я убилъ своего кровнаго брата... У меня на глазахъ воины изнасиловали мою сестру... Я истребилъ цѣлые ряды своихъ братьевъ. Безумный—я воспользовался своимъ обаяніемъ и васъ повелъ на преступленіе! Потому что убійство — преступленіе. Музыка становится еще громче. Вѣдь преступленіе, наконецъ, — убійство?

Воины и народъ поютъ «Славу».

ВОИНЫ.

Живи на славу,
Вождь нашъ великій...
Нѣтъ тебѣ равнаго
Въ цѣлой вселенной...

Константинъ тяжело вздыхаетъ.

ДЕВЯТАЯ КАРТИНА.

Въ странѣ «родныхъ». Декорація первой картины перваго акта. Фруктовыя деревья почти всѣ срублены, ржаное поле смято, на мѣстѣ стога сѣна—небольшая обугленная груда; лѣсъ вдали порѣдѣлъ. Константинъ въ домашней одеждѣ один, лежитъ на животѣ, около рѣки.

Константинъ. Да... да... Точно сквозь сонъ я начинаю припоминать вотъ этотъ холмикъ съ видомъ на широкую даль. Я сиживалъ тамъ ребенкомъ. И эта дорога въ лѣсъ мнѣ знакома, у берега рѣки... Только лѣсъ безжалостно сломанъ моими войсками. Тогда, какъ и сейчасъ, здѣсь было ржаное поле, но богатое, роскошное... а теперь только нѣсколько колосковъ торчатъ здѣсь.

Колосья. Дикіе люди, которыхъ озвѣрили злоба и ненависть, смяли и сломали насъ, чтобы мы не достались другимъ, подобнымъ имъ людямъ, которыхъ они почему то называютъ врагами. Это было сдѣлано по твоему приказанію.

Константинъ. Безуміе! Безуміе!.. Милые колосья родной нивы, простите безжалостнаго па-

лача! Я виноватъ передъ вами... Дорогія, маленькія, беззащитныя стеблинки онъ наклоняется къ нимъ простите!..

Колосья. Наши братья пали—смятые и истоптанные—и не могутъ уже ни прощать, ни гнѣваться. Зерна ихъ еще не отвердѣли; зеленыя и водянистыя — они не дадутъ всходовъ... они погибли безвозвратно.

Константинъ. Но вы? Вы, оставшіеся въ живыхъ—вы созрѣете!

Колосья. Мы созрѣемъ. Люди тщательно соберутъ каждое наше спѣлое зернышко, чтобы опять бросить его въ теплую землю. И разовьются новые, роскошные стебли и зазеленѣетъ новая, богатая нива... Не тронь ее!

Константинъ. О, я клянусь ее не трогать!.. Охранять, лелѣять, любить ее... Я клянусь!

Колосья. Не тронь ее! Константинъ плачетъ подъ тихую, грустную музыку.

Дубъ шумитъ своими листьями. Искренни-ли клятвы твои, человѣкъ?

Константинъ поднимается. Что это? Кто еще говоритъ со мной? Ахъ, это ты, старый развѣсистый дубъ?.. Ты долго жилъ и ты съ недовѣріемъ относишься къ клятвѣ человѣческой... Послѣ паузы, силясь что-то припомнить. Постой! постой! Я припоминаю... Съ облегченіемъ. Я помню все! Здѣсь, около этого дуба, я игралъ съ сосѣднимъ мальчикомъ...

Его звали Семеномъ... Мать оставила меня караулить свинью, которая должна была опороситься. Сюда пришелъ старикъ... онъ сѣлъ тутъ на камнѣ. Оборачивается. Гдѣ же тотъ камень? Того камня, нѣтъ.

Дубъ. Тотъ камень положенъ, какъ памятникъ, на могилу твоей сестры. Вчера пришелъ сюда ея мужъ, Дмитрій, съ нѣсколькими людьми и взялъ его.

Константинъ вспоминая. Онъ сѣлъ на камень и сталъ разговаривать со мной. Онъ уговаривалъ меня пойти съ нимъ, въ его домъ. Я не хотѣлъ. Тогда онъ вынулъ изъ-за пояса... О, какъ живо, какъ живо я все помню! Онъ показалъ мнѣ игрушку, роскошную игрушку: маленькій кинжалъ съ нарядной серебряной ручкой, но съ острымъ и хорошимъ лезвіемъ. Я помню, мнѣ понравилась ручка—блестящая и сверкающая; я не понималъ тогда, что главная цѣнность игрушки не въ ней, а въ лезвіи — рѣдкой, дамасской стали. Я взялъ кинжалъ въ руки и игралъ съ нимъ... И старикъ смотрѣлъ на меня — довольный, что игрушка произвела на меня впечатлѣніе. Онъ рѣшилъ соблазнить меня ею.—Идемъ со мною—сказалъ онъ—и эта вещь будетъ твоя. А тамъ, у меня въ домѣ, есть еще много лучшихъ вещей, тоже красивыхъ, тоже дорогихъ. Я колебался. Тогда старикъ сдѣлалъ движеніе, чтобы отнять

у меня кинжалъ.—Мнѣ некогда — сказалъ онъ —если ты не хочешь пойти ко мнѣ въ гости— отдай мнѣ назадъ кинжалъ. Но я не знаю, почему тебѣ не пойти со мной? Мы скоро опять вернемся; я приведу тебя сюда въ золотомъ, богатомъ боевомъ нарядѣ съ драгоцѣнными камнями, съ саблей... Всѣ удивятся происшедшей въ тебѣ перемѣнѣ... И обѣщанія его были такъ соблазнительны, и самъ онъ такой ласковый... Только взглядъ его нѣсколько смущалъ меня — острый, безпокойный, хищный... Этотъ взглядъ врѣзался мнѣ въ память... Мнѣ кажется, я потомъ постоянно видѣлъ эти глаза... Я точно встрѣчалъ кого-то съ этими глазами.

Марсъ образуется изъ постепенно сгущающагося воздуха и появляется передъ Константиномъ. Его фигура легка, онъ не касается ногами земли.

Константинъ пораженный. Марсъ! Такъ это былъ ты?!

Марсъ. Я! И я опять передъ тобою. Слушай, довольно здѣсь нѣжиться и вздыхать, какъ нервная баба! Не для того воспитывалъ я тебя. Я готовилъ тебѣ широкій, орлиный путь! „Родные“ страшно ослабѣли; надо итти за ними дальше. Если ты дашь имъ еще два, три крупныхъ сраженія, — они не выдержатъ. Ихъ столица будетъ въ твоихъ рукахъ. Ты побѣдоносно войдешь

въ нее и увѣнчаешь себя такой славой, какая доставалась развѣ одному Александру Великому.

Константинъ съ упрекомъ. Такъ это ты унесъ меня отсюда, отъ отчаго крова, отъ ласкъ матери, изъ родного края?..

Марсъ. Но я далъ тебѣ другихъ родителей! Я подбросилъ тебя въ домъ Анны, которая могла имѣть на тебя хорошее вліяніе.

Константинъ. Какъ же ты измѣняешься!.. Тогда ты былъ убогимъ, горбатымъ старикомъ; черезъ нѣсколько времени ты явился у насъ въ домѣ... тамъ, у Анны... хотя и старикомъ, но бодрымъ и сильнымъ. Теперь ты стоишь передо мною въ ратныхъ доспѣхахъ—молодой, свѣжій—и только... глаза... Они налиты у тебя кровью! И по этой крови, невинной человѣческой крови—я узнаю тебя, въ какомъ видѣ бы ты не явился!

Марсъ Потому что ты самъ попробовалъ этой крови. Смѣется.

Константинъ съ ужасомъ. Кто ты? Ты—не человѣкъ!

Марсъ. Нѣтъ. Но я живу въ людяхъ. Я — олицетвореніе всѣхъ ихъ доблестей—вражды, мести, злобы, жестокосердія—которыя, накопляясь годами, выливаются у нихъ въ видѣ одного страшнаго, стихійнаго явленія—въ видѣ войны. Я—богъ войны, безсмертный и несокрушимый! Я люблю людей вообще—въ то время, когда они сильны,

храбры, мужественны; я любуюсь ими въ пылу битвы! Но между ними у меня есть избранники, которыхъ я выбираю по собственному капризу. Я поднимаю ихъ высоко надъ толпой, помогаю имъ дѣлать знаменитые подвиги, и имена ихъ отмѣчаетъ исторія. Ты мнѣ понравился еще ребенкомъ—бойкій, съ открытымъ и смѣлымъ лицомъ—и я отмѣтилъ тебя, какъ своего избранника. Идемъ-же скорѣй! Сзывай войска и веди ихъ глубже, въ страну „родныхъ“. Мнѣ мало... Я жажду еще, еще человѣческой крови. Беретъ Константина за руку; взглядъ его ужасенъ.

Константинъ вскрикиваетъ. А!.. Вырываетъ руку. Не прикасайся ко мнѣ!

Марсъ. Ты боишься меня? Но вѣдь недавно мы еще были друзьями? Ты дрался подъ моей защитой!

Константинъ. Я былъ слѣпымъ; теперь я прозрѣлъ. Этотъ рядъ труповъ, эти огненныя поля заставили меня прозрѣть.

Марсъ. Герой долженъ быть выше ихъ, выше мелкихъ человѣческихъ страданій.

Константинъ. Герой долженъ быть утѣшителемъ страдающаго человѣка.

Марсъ. Идемъ-же, идемъ...

Константинъ. Оставь меня!

Марсъ съ чувствомъ. Константинъ, любимецъ мой—идемъ! Беретъ его опять за руку.

Константинъ вырываетъ руку. Не прикасайся ко мнѣ! Или... берется рукою за саблю. Я...

Марсъ становится огненно-краснымъ; тѣло его дѣлается какъ бы прозрачнымъ, налитымъ кровью. Бей! Что значитъ для безсмертнаго бога жалкій ударъ человѣческой руки?

Константинъ. Чудовище!

Марсъ. Въ послѣдній разъ: идешь ты со мной или нѣтъ?

Константинъ. Нѣтъ! Нѣтъ! И нѣтъ!

Марсъ медленно отодвигается за рѣку подобно тѣни.

Марсъ за рѣкой. Но я дамъ тебѣ небывалую славу. Имя твое будетъ повторяться потомками...

Константинъ. Со страхомъ и отвращеніемъ.

Марсъ. Или съ удивленіемъ и съ восторгомъ!

Рѣка журчитъ, деревья шумятъ, колосья перешептываются.

Рѣка, дубъ, деревья, колосья. Шумъ ихъ сливается въ одинъ голосъ, чуть слышно. Ты клялся! Ты клялся!

Марсъ уходитъ еще нѣсколько дальше и возлѣ него, надъ рѣкой, вырисовывается картина: призракъ Константина, кругомъ масса народа, войска; Константинъ преклоняетъ одно колѣно и Марсъ возлагаетъ ему на голову лавровый вѣнокъ.

Марсъ. Въ столицѣ „родныхъ" я увѣнчаю тебя лавровымъ вѣнкомъ побѣдителя.

Рѣка, дубъ, деревья, колосья. Шумъ ихъ сливается въ одинъ голосъ, уже болѣе громкій. Ты клялся! Ты клялся! Ты клялся!

Константинъ. Я не хочу вѣнка, заработаннаго убійствомъ.

Марсъ удаляется еще дальше и возлѣ него, за рѣкой, вырисовывается картина: призракъ Константина, масса народа кругомъ съ торжественными лицами, войска; Константинъ преклоняетъ колѣна и Марсъ надѣваетъ ему на голову корону.

Константинъ дѣлая нѣсколько шаговъ по направленію къ рѣкѣ. Что это? Корона?

Рѣка журчитъ, шумятъ деревья, шепчутся колосья.

Рѣка, дубъ, деревья, колосья. Шумъ ихъ сливается въ одинъ голосъ. Громко. Ты клялся! Ты клялся! Ты клялся!

Марсъ. Иди за мной.

Константинъ дѣлаетъ еще шагъ по направленію къ Марсу. Колеблется. Корона... корона....

Дубъ шумитъ. Ты клялся!

Рѣка журчитъ. Ты клялся!

Колосья тихо, хоромъ. Ты клялся!

Константинъ. Да... да... Рѣшительно. И я не

измѣню своей клятвѣ! Довольно крови и насилія! Бранный кличъ болѣе не смутитъ меня.

Марсъ. Иди за мной!

Константинъ. Нѣтъ.

Марсъ. Иди за мной!

Константинъ. Качая головой. Нѣтъ.

Марсъ. Такъ будь-же проклятъ обманувшій мои надежды. Недостойнѣйшій изъ моихъ избранниковъ!

Марсъ исчезаетъ въ огромномъ красномъ пламени, которое продолжаетъ горѣть, Константинъ лежитъ потрясенный, сдавивши обѣими руками голову. Изъ дома выходитъ Александръ.

Александръ подходитъ къ Константину, кладетъ ему руку на плечо. Ты задумался? Тебѣ жалко ратной жизни?

Константинъ поднимаетъ голову. Нѣтъ, отецъ, нѣтъ... Это такъ... я задумался.

Александръ. Я понимаю, я понимаю все. Трудно сразу отрѣшиться отъ мысли о славѣ.

Константинъ. Пустяки... Послѣ паузы. А что, отецъ, скажи: моя сестра была очень красива?

Александръ. Ты видѣлъ ее.

Константинъ съ горечью. Это упрекъ? Жестокій упрекъ. Но я стою, я стою его.

Александръ мягко подходя къ нему. Прости

мнѣ. Если это и былъ упрекъ—то онъ вырвался невольно. Я не хотѣлъ тебя огорчать. Ужъ очень я любилъ Марію...

Константинъ. Марія! Милая сестра... О! о! Содрагается при воспоминаніи. И она была беременна, говоришь ты?

Александръ. Она носила уже около трехъ мѣсяцевъ.

Константинъ. Я отнялъ у тебя внука, дочь, сына...

Александръ. Жену.

Константинъ. Да, мама умерла отъ страха, когда услышала, что непріятельскія войска идутъ на нашъ поселокъ... Я слышалъ... Отецъ! И послѣ этого ты не убилъ меня, ты взялъ назадъ свое проклятіе несправедливому полководцу, ты простилъ своего безумнаго сына. А я? Я осудилъ на смерть человѣка только за то, что онъ, защищая свою сестру отъ позора, убилъ развратника „старшаго".

Александръ. Ты дѣйствовалъ ослѣпленный...

Константинъ продолжаетъ. Ради дисциплины... А что такое дисциплина? Что это за понятіе, во имя котораго невинныхъ людей неправымъ судомъ или вовсе безъ суда осуждаютъ на казнь?

Александръ. Дисциплина это—узаконенное насиліе, такъ же, какъ и война. И то, и другое —порожденія слѣпой страсти жестокаго человѣка.

Ты былъ опьяненъ этой страстью; пьяный не отвѣтственен за свои поступки.

Константинъ. Но не надо было допускать пьянства, а разъ оно было допущено, то надо было пресѣчь его. Пусть я, пусть всѣ будутъ трезвы, какъ ты—кроткій и прощающій.

Александръ. Гуманизмъ, любовь и культура уже значительно отрезвили людей, а понемногу они подчинятъ себѣ совершенно злой инстинктъ первобытнаго человѣка. Медленно идетъ ихъ работа, но она ведетъ къ вѣрной цѣли. Оглянись на далекіе вѣка, когда рабство угнетало милліоны людей, тѣснило и пытало ихъ, и сравни эти вѣка съ нашимъ временемъ. Рабство смѣнилось другимъ гнетомъ—гнетомъ капитала, но рабовъ уже не бьютъ и не пытаютъ: законъ защищаетъ ихъ отъ открытаго безправія и насилія, и они дышатъ свободнѣе. Пройдетъ еще время... Тяжелыя условія жизни большинства облегчатся, идея равенства и братства станетъ господствующей на землѣ и наступятъ счастіе и миръ, всеобщій миръ... Стремиться къ этому миру, класть камень за камнемъ въ постройку его, въ устройство царства боговъ на землѣ—вотъ наша задача... Будемъ работать надъ ней, сынъ мой.

Красное пламя въ сторонѣ сцены вспыхиваетъ очень сильно, а на противопо-

ложномъ концѣ сцены начинаетъ заниматься небольшое облачко свѣта.

Константинъ тихо. Да... Да... Отецъ, какъ хороша твоя рѣчь! Сколько мудрости—простой и и чистой—вложено въ нее... Жаль, что нѣтъ Маріи... Жаль, что нѣтъ брата. Мы вмѣстѣ бы стали дружно трудиться на нивѣ мира и просвѣщенія.

Александръ вздыхая. Да, жаль.

Константинъ. Какъ бы я хотѣлъ имѣть брата, которому могъ-бы открывать свои мысли, свое сердце! Я всегда былъ такъ одинокъ. Пауза. А что, Иванъ, онъ любилъ, навѣрное, землю, помогалъ тебѣ работать?..

Александръ. Да, безъ него я не собралъ-бы и половины этого. Указываетъ на домъ и садъ. Впрочемъ, сейчасъ тутъ ничего уже нѣтъ: домъ обобранъ, сѣно сожжено, садикъ, посаженный моей рукой, срубленъ на дрова... Хоть бы фруктовыя деревья пощадили!

Константинъ. И мои пріемные родители умерли?

Александръ. Они тоже погибли во время войны. Ихъ убили солдаты, принявъ за какихъ-то шпіоновъ, которыхъ разыскивали.

Константинъ. Ты напоминаешь мнѣ такъ моего покойнаго пріемнаго отца... Онъ такъ-же ненавидѣлъ войну.

За сценой слышенъ тяжелый надорванный голосъ Дмитрія.

Голосъ Дмитрія. „Я иду съ твоей могилы“... Ха-ха-ха. Ха-ха-ха. Страшный истерическій хохотъ.

Константинъ. Ахъ, это Дмитрій... Его голосъ убиваетъ меня.

Александръ. Онъ идетъ сюда, несчастный.

Дмитрій видъ его ужасенъ. Ха-ха ха! Ха-ха-ха! Валится подъ дубъ. Кто бы могъ думать, что, едва повѣнчавшись, мнѣ придется хоронить тебя! Жалостно. Моя милая, моя золотая! Плачетъ жалостно; слезы смѣняются рыданіями. Марія, Марія! Встаетъ на ноги, безумно глядитъ на красное пламя, которое вспыхиваетъ ярче. А кто убилъ тебя? Кто отнялъ тебя отъ меня?.. А-а!.. Это ты! Угрожающе. Ты! Устремляется въ сторону краснаго огня, въ которомъ появляется фигура Марса. Страшный призракъ войны! Уйди, уйди! Или я тебя! Бросается по направленію Марса. Александръ и Константинъ схватываютъ его за руки и удерживаютъ. Призракъ исчезаетъ. Огонь продолжаетъ пылать.

Александръ. Успокойся, Дмитрій... что съ тобой? Тамъ ничего нѣтъ... Ты бредишь.

Дмитрій задумчиво. Брежу, брежу... Сразу успокаиваясь. Какъ счастливы были мы! Какъ Марія любила меня! Какъ сильно бился у нея подъ грудью ребенокъ... Мой ребенокъ... Какое право имѣли отнять у меня это счастье? За что? Что

я сдѣлалъ дурного? Кого обидѣлъ? А... Марія, Марія... А-а-а!.. Рыдаетъ и бьется объ землю. Проклятіе! Проклятіе!.. Изнасиловали... убили... Дѣлается задумчивымъ, смотритъ куда то вдаль. Кроткимъ дѣтскимъ голосомъ. А я снесъ ей сегодня василекъ на могилку... Синій, синій василекъ. Пойду опять туда... Тамъ птичка сидитъ. Можетъ, это Маріина душа: прежніе люди вѣрили въ душу... Птичка... маленькая птичка... Идетъ, напѣвая „Я иду съ твоей могилы“.

Константинъ съ отчаяніемъ. Отецъ, это ужасно!

Александръ. И онъ былъ лучшій человѣкъ въ нашемъ посадѣ. Вбѣгаетъ Дмитрій.

Дмитрій испуганно. Идутъ, идутъ! Они идутъ. Ищетъ, гдѣ бы спрятаться.

Константинъ. Кто идетъ? Что ты?

Дмитрій со страхомъ. Они... Они... Непріятели...„Родные“, „чужіе“въ красныхъ одеждахъ...Они убьютъ меня. Они васъ убьютъ. Спрячемся скорѣй. Спрячемся... Бѣжитъ и становится за дубомъ.

Слышенъ топотъ лошадей и шаги возвращающихся войскъ. Отрядъ воиновъ появляется и медленно проходитъ по сценѣ; воины — мокрые, изможденные, грязные, жалкіе...

Константинъ. Это возвращаются домой наши побѣдоносныя войска... Впрочемъ, для меня они уже не наши, а чужіе.

Александръ. Все равно, сынъ мой—и свои и чужіе, всѣ наши братья. Обращается къ воинамъ. Возвращаетесь?

Воины. Да, идемъ домой. Миръ заключенъ, благодареніе судьбѣ.

Александръ. А развѣ вамъ не хотѣлось итти дальше въ страну „родныхъ"?

Воины. Довольно съ насъ и этихъ побѣдъ... Дорого онѣ стоили, а что въ нихъ пользы? Большая половина нашихъ воиновъ пала; у нихъ дома остались вдовы и дѣти; а сколько больныхъ, искалѣченныхъ? Лучше бы совсѣмъ не было войны... Проходятъ.

Константинъ. Отецъ! Я виновникъ этой войны!

Александръ. Что же дѣлать, сынъ мой? Постараемся забыть прежнее. Будемъ жить вмѣстѣ и честно работать на нивѣ мира.

Обнимаетъ сына, и Константинъ тихо плачетъ въ его объятіяхъ. Дубъ привѣтливо шумитъ, шумятъ оставшіеся деревья и колосья, журчитъ рѣка... Красное пламя, похожее на огромный блуждающій огонь, ослѣпительно ярко вспыхиваетъ, освѣтивъ на секунду кровавымъ свѣтомъ всю сцену, и гаснетъ. Свѣтлое облако дѣлается все яснѣе и яснѣе, переходитъ также въ пламя, но чистое и лучезарное, озаряющее сцену мягкимъ,

ровнымъ свѣтомъ, и изъ него выдѣляется фигура генія мира, въ бѣломъ прозрачномъ, съ пальмовой вѣткой въ рукѣ. Новые отряды воиновъ — жалкихъ, грязныхъ и мокрыхъ, проходятъ по сценѣ. Идутъ нѣсколько минутъ. Потомъ медленно опускается занавѣсъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Н. П. Карбасникова
етербургъ, стинный дв. 19. Москва, Моховая, д Баженова. Варшава, Нов. Свѣтъ, д. 69. Вильно, Больш., д. Гордона.

ЦѢНА 50 К.

